

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

**МАНИПУЛИРОВАНИЕ НАРОДОМ ПОСРЕДСТВОМ
САМОГО НАРОДА:
ПЛЕБИСЦИТАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ
КАК ГЛАВНЫЙ МЕХАНИЗМ
ЭСКАЛАЦИИ АВТОРИТАРИЗМА**

ВЫБОР *

Опубликовано с сокращениями: Омская правда.— 1991.— 13 марта. С. 1 ((под названием «Сложный выбор»).

В последние недели точкой кипения политических страстей в нашей стране стал намеченный на 17 марта первый в истории референдум по вопросу о судьбе Советского Союза. Российский Парламент добавил к этому вопросу еще один. Как специалист по политическим наукам хочу представить читателям основные аргументы сторонников и противников референдума с тем, чтобы выбор можно было сделать более осознанно и квалифицированно. Итак, вспомним школьные уроки математики и порассуждаем «от противного», т. е. от противоположного, проанализируем основные возражения против референдума.

Возражение первое, наиболее серьезное: референдум проводится недостаточно квалифицированно или недостаточно честно по отношению к собственному народу. С этим возражением приходится согласиться, и вот почему.

Во-первых, референдум лучше было проводить раньше, не дожидаясь углубления кризиса, и не на территории всего Союза, а лишь в тех республиках, которые поставили вопрос об отделении от него. Это позволило бы сберечь немало миллионов на нужды малоимущих, которых у нас, увы, слишком много.

Во-вторых, оставляет желать много лучшего формулировка вопроса, предложенная Верховным Советом СССР: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» Очевидно, эта формулировка содержит, как минимум, три вопроса сразу:

а) о Союзе как федерации (именно это слово является здесь ключевым, а не названия субъектов федерации — республики или государства — как многие думают);

б) о равноправии всех граждан Союза;

в) о его названии (Союз Советских Социалистических Республик).

Трудно сказать, где здесь кончается непонимание «законов жанра» (на референдум должны выноситься вопросы, сформулированные просто, ясно и не допускающие двусмысленного толкования) и начинается недоверие к собственному народу. Безусловно, три различных вопроса в один «складывать» не следовало. Это лишь породило обоснованную критику и подозрения в тайных намерениях. Верховный Совет Союза, безусловно, поступил бы правильно, если бы

разделил этот вопрос на три. Как, скажем, голосовать при такой формулировке сторонникам Союза, но не социалистам? А таких сейчас немало. Боюсь, эта склонность руководства не слишком доверять своим гражданам может выйти боком не только ему (руководству), но и стране: процент голосующих за Союз скорее всего будет ниже, чем мог бы при более квалифицированных формулировках.

Правда, некоторым утешением лидерам Союза может послужить то, что так поступают не они одни. Например, во время недавно проведенного опроса населению Литвы предлагалось определить, хочет ли оно, чтобы эта республика была независимым демократическим государством? Как видим, и здесь то же самое. Кто будет голосовать против демократического режима? Да и термин «независимое государство» употребляется в Литве уже несколько лет, хотя до недавнего времени обычно прибавляли: «в составе Союза».

А вот какую телеграмму я как российский депутат недавно получил из Москвы: «Группа народных депутатов предлагает внести на референдум РСФСР 17 марта 1991 года следующие два вопроса:

1. Должна ли РСФСР сама определять объем полномочий, передаваемых Союзу, и всенародно избирать своего Президента?

2. Одобряете ли Вы политику Правительства СССР, Верховного Совета СССР и Президента СССР?»

Как видим, и здесь первая формулировка содержит два вопроса, причем они соединены еще более искусственно, нежели формулировки Верховного Совета СССР, второй же вопрос вообще включает в себя три разных позиции. Это все равно как, если бы больного спросили: «Хотите ли Вы, чтоб Вам удалили воспаленный аппендикс, но заодно отрезали бы и часть здорового кишечника?»

Да, и центру, и республикам, и правым, и левым, и тем, кто называет себя демократами, и тем, кто не называет надо учиться честности в политике, учиться уважать свой народ. Кстати, исправить формулировку Союзного референдума мог бы Верховный Совет России, как это было сделано в Казахстане. Однако политика, как и жизнь, есть искусство возможного, и выбирать нам придется из того, что предлагают. А поэтому продолжим анализ.

Возражение второе, агитационное: референдум задуман руководством КПСС как средство сохранения и укрепления ее монополии на власть. Кто против такой монополии, должен голосовать против Союза. Выдвигающие этот аргумент нередко достигают цели. Ни для кого не секрет, что престиж компартии резко упал, а недовольство ею столь же резко выросло, и нет лучшего средства дискредитировать референдум, чем свести его содержание к межпартийной борьбе. Однако при мало-мальски объективном подходе это возражение не выдерживает никакой критики.

Во-первых, по этому вопросу, как и по большинству других, в компартии нет единства. Сейчас в ней представлены 4—5 различных направлений слева — направо, разными являются и позиции компартий различных союзных республик.

Во-вторых, в СССР и России существует немало политических партий и течений не коммунистической и не социалистической ориентации, выступающих за Союз. К их числу принадлежит, например, мусульманское, и не только мусульманское, духовенство, Христианско-демократический Союз России, весь

центристский блок, включая Либерально-демократическую партию Советского Союза, Российский народный фронт. Странниками Союза являются Демократическая партия Советского Союза, Конституционно-демократическая партия — Партия народной свободы и целый ряд других. У всех этих политических течений соединение вопросов о сохранении Союза и о том, называть ли его социалистическим, конечно, восторга не вызывает. Однако они считают, и, думаю, справедливо, что интересы выживания страны не сопоставимы с партийными амбициями. Парадоксально, но факт. Моя личная точка зрения в этом вопросе куда ближе к кадетской, нежели к точке зрения коммунистов Грузии.

Повторю еще раз: ставить вопрос о судьбе страны на карту в межпартийной карточной игре, где к тому же игроки не соблюдают правил и склонны к мошенничеству, значит рисковать благосостоянием, а может быть, и жизнью многих тысяч своих граждан.

Возражение третье, голодно-иллюзорное: на референдуме надо голосовать против, чтобы Россия вышла из Союза, после чего все мы будем жить, говоря словами Михаила Жванецкого, «долго и счастливо». Основанием для такой позиции является тот действительный факт, что Россия остается одним из «кормильцев» Союза: по различным данным, Россия в 1990 г. отдавала Союзу на 20—70 млрд. рублей больше (в пересчете на мировые цены), чем от Союза получала. В 1991 г. это «донорство» сократилось, но не прекратилось. Когда российское руководство и Парламент требуют дальнейшего сокращения этого «донорства», я, безусловно, поддерживаю такую позицию, хотя и не понимаю, почему при этом Россия заключает соглашения с прибалтийскими государствами, продолжая поставлять им сырье по ценам намного ниже мировых и покупать продукцию по завышенным ценам. Думаю, прекращать «кормление» надо именно с тех, кто собирается от Союза отделяться.

Да, пока Россия принадлежит к числу тех, кто «везет» на себе Союз. Однако мысль о том, что, выйдя из Союза и тем самым развалив его, республика начнет процветать,— это заблуждение кризисного, «голодного» сознания. Давайте «просчитаем» хотя бы самые элементарные очевидные последствия.

Во-первых, несомненно будут продолжать рваться налаженные экономические связи, а это в условиях монополистической экономики больно ударит по карману. На каких предприятиях Омска я бы ни выступал, повсюду приходилось слышать одно и то же: недопоставка комплектующих из Грузии, Армении, Прибалтики вызывает перебои в работе, падение заработной платы, отток людей и все прочие прелести экономической лихорадки. Мне не приходилось видеть расчетов, во сколько миллиардов обойдется разрушение экономических связей при развале Союза, но совершенно очевидно, что счет пойдет на десятки. Надежда же на то, что при политическом распаде страны возможно будет сохранить экономические отношения, это чистая маниловщина — нигде и никому это не удавалось. На чем, кроме нашей неизбывной веры в чудеса, основаны подобные прожекты, сказать не берусь.

Во-вторых, выход России из Союза и его распад резко обострит проблему беженцев на территории нашей республики. Так было везде и всегда: французы бежали на родину из Алжира, португальцы — из Анголы, русские — из Польши и Финляндии. То, что все эти государства получили право на самоопределение,—

факт, безусловно, положительный, но не для тех, кто бежал и не для тех, к кому бежали. Ясно, что обустройство каждого беженца на новом месте — это несколько десятков тысяч рублей. Помножим их на несколько миллионов и получим, что только на этом республика проиграет все, что могла бы выиграть от прекращения «донорства». Лидер Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин выразил готовность принимать беженцев на территории России, и это конечно благородно, однако непонятно, за счет каких средств, ведь российский бюджет и так сведен с большим дефицитом. Чуть более года назад Г. Х. Попов настаивал на том, чтобы расходы на обустройство беженцев несла та республика, откуда они вынуждены уезжать. Теперь, выдвинув план «дефедерализации», он от этого отказался, как, впрочем, и от многого другого. А жаль. Идея не потеряла своей актуальности.

В-третьих, надо реально себе представлять, что распад Союза — это и распад самой России. Здесь я позволю себе несколько отступить от логики изложения, поскольку считаю необходимым открыть глаза читателям на одно печальное обстоятельство, а именно: с демократами в национальном вопросе дела в стране обстоят гораздо хуже, чем многим кажется. Принято считать, что недемократический, великодержавный курс проводит только центр, военно-промышленный комплекс и т. п. На самом деле на уровне республик великодержавности ничуть не меньше, но только это своеобразный «великодержавный сепаратизм». Суть его проста. Молодая республиканская бюрократия хочет как можно быстрее избавиться от Союза, стать полновластным хозяином на своей территории, но при этом по отношению к национальным меньшинствам ведет себя ничуть не лучше, а порой и хуже, чем центр по отношению к союзным республикам. Так, демократически избранный грузинский Парламент единогласно (!) проголосовал за ликвидацию Юго-Осетинской автономии. Там не нашлось ни одного настоящего демократа ни среди коммунистов, ни среди новых движений, называющих себя демократами. Скажу прямо, есть подобные настроения и в российском Парламенте. На заседаниях комитетов, не говоря уже о кулуарах, не раз приходилось слышать, что вот отцы — основатели Соединенных Штатов были мудры, и поэтому организовали государство по территориальному, а не национальному признаку, а большевики, допустив создание национальных республик, навредили стране. За этим следуют обычно призывы вернуться к формам организации, характерным для Российской империи.

Хотя это чаще всего приходится слышать от людей, причисляющих себя к демократам, к демократии это, конечно, не имеет никакого отношения, не говоря уже о том, что такая программа абсолютно утопична. Люди, желающие избавиться от Союза, но «закрутить гайки» в собственной республике, не могут или не хотят понять простой вещи: Россия — это уменьшенный Союз. И как она ведет себя по отношению к Союзу, так и республики, входящие в Российскую Федерацию, ведут себя по отношению к ней. Стоило российскому Парламенту принять решение о том, что наши законы будут безоговорочно выше союзных, как целый ряд бывших автономных республик объявил свои законы выше не только союзных, но и российских. Дальше этот процесс перекинулся на отдельные области и даже районы.

Я не принадлежу к поклонникам внутривнутриполитических талантов советского Президента. Но готов повторить еще раз: если российское руководство, вступив в

блок с сепаратистами (т. е. сторонниками отделения республик) сможет превратить его в «Президента «Садового кольца», то будущий Президент России (а, к сожалению, он, видимо, будет: тоска по «хозяину» слишком велика), сам окажется главой некоего лоскутного государства. Скорее всего, не только для Союза, но и для России будут потеряны нефть Татарстана, золото и алмазы Якутии и т. п.

«Великодержавные сепаратисты» во всех республиках справедливо осуждают центр за попытки применения насилия в национальном вопросе, однако сами они склонны действовать теми же методами, когда дело касается сохранения целостности республики: вспомним ту же Грузию или Молдову. Чтобы избежать подобных методов, у России есть только один путь: не подавать дурных примеров, решать споры с центром цивилизованными методами.

В-четвертых, если удержать Союз в прежнем виде невозможно без насилия, то и развал его обернется не меньшей, а может быть, еще большей кровью. Как бы ни относиться к нашим «отцам-основателям», а рассчитывали они на «Союз нерушимый» и границы проводили соответствующим образом. Так, русские, безусловно, преобладают в Северном Казахстане, в Крыму и так называемой Новороссии (Донбасс, Одесская область и др.). Если Союз сохранится в новой форме, границы республик принципиального значения не имеют, если же он будет разваливаться, из-за них неминуемо возникнут конфликты. Как быть, в частности, если Грузия требует отделения, а Южная Осетия хочет воссоединиться с Северной и остаться в Союзе? Как быть, если отделения потребует Украина? Конфликтовать с ближайшим по языку и культуре народом или смириться с тем, что несколько миллионов русских окажутся иностранцами на чужой территории? Нормального выхода здесь нет, а, как когда-то пел Высоцкий, «есть только вход, и то не тот». Не случайно, когда российский Парламент принял Закон, угрожающий целостности Союза, в здании Верховного Совета на Краснопресненской набережной появились представители американского посольства. Они уговаривали депутатов подумать о последствиях: ведь если начнется борьба республик за обладание стратегическим оружием, не поздоровится уже не только Союзу, но и его соседям, а возможно, и всему миру. «Подумайте о Соединенных Штатах, не разваливайте Союз»,— так, несколько утрируя, можно выразить точку зрения американских партнеров. Перефразируя поэтов, можно сказать: «Не дай нам Бог сойти с ума!»

Соображение четвертое — «как бы чего не вышло»: союзное руководство может попытаться использовать результаты референдума для укрепления своих позиций и, в частности, для того, чтобы насильственно удерживать республики, стремящиеся к отделению. Соображение это не лишено оснований, хотя бы в том смысле, что сослаться может сам черт на доводы Священного писания. Однако если учесть, что результаты референдума будут подсчитываться по республикам, и при этом следовать элементарной логике, то выводы должны быть, скорее, обратные. Скажем, если население Грузии высказывается против ее вхождения в Союз, у руководства в Москве остается единственный выход: садиться за стол переговоров и обсуждать условия отделения этой республики. Так что и здесь, по идее, референдум должен послужить демократии. Я не говорю уже о том, что доверие или недоверие к какому-либо политическому лидеру или группе не может идти ни в какое сравнение с интересами выживания страны. Кстати, распространенное мнение о том, что российское руководство выступает против

референдума, было несколько раз опровергнуто заместителем Б. Н. Ельцина Р. И. Хасбулатовым на заседаниях Верховного Совета РСФСР.

Подведем итоги. Неквалифицированно выполненная или намеренно запутанная формулировка вопроса, который вынесен на союзный референдум, заставила немало честных и демократически настроенных людей заколебаться в выборе. Очевидно, выбирать теперь предстоит по принципу «меньшего зла». Ответить «да» — значит, во-первых, дать некоторые, хотя и не слишком большие, козыри в руки Президента; во-вторых, сохранить названия «советский» и «социалистический» за союзом республик, многие из которых склоняются, скорее, на капиталистический путь. Ответить «нет» — значит потребовать выхода Российской Федерации из Союза, то есть его разрушения. Это равнозначно, как уже говорилось, катастрофе для нашей страны, а возможно, и для других народов. В таких условиях я свой выбор сделал: буду голосовать «за». Желаю не ошибиться и вам, уважаемые читатели.

ДВУХ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИЯ НЕ ВЫДЕРЖИТ *

Частично опубликовано: Омский вестник.— 1991.— № 7.

В последнее время ситуация в пока еще Советском Союзе все чаще вызывает в памяти гегелевский афоризм: история повторяется. Только у других народов сначала в виде трагедии, затем — в виде фарса. А мы, похоже, как всегда идем другим путем: от фарса к трагедии...

В самом деле, кажется, совсем недавно отгремели политические баталии по поводу введения поста Президента в СССР. Как и следовало ожидать, пример оказался заразителен: ему последовал целый ряд республик, а ныне очередь дошла и до Российской Федерации. Вопрос о введении в ней президентского поста вынесен на референдум 17 марта. Обратимся к аргументам сторонников превращения России в президентскую республику.

Аргумент первый: нужен «хозяин». В республике анархия, разрываются экономические связи, распадаются структуры власти, под угрозу поставлены жизнь и имущество граждан и т. п. В таких условиях необходима сильная исполнительная власть, лучше всего — президентская.

Этот аргумент представляется наиболее и, пожалуй, единственно серьезным, однако отнюдь не бесспорным. Годичный опыт союзного президентства — лучшее доказательство тому, что само по себе оно ничего не дает. Власти у политического лидера Союза становится все больше, а порядка и стабильности в стране — все меньше. Когда же Президент страны пытается употребить эту власть сплошь и рядом не ко времени и не к месту, его усилия оказываются либо тщетными (Указ о сдаче оружия), либо лишь провоцируют и без того высокую социальную напряженность (поддержка приказов министров обороны и внутренних дел о совместном патрулировании городов). На каком основании, кроме нашей неизбежной веры в чудеса, народ пытаются убедить, что в России будет иначе?

Аргумент второй: будем «как все». Суть его проста: в других республиках введены президентские системы, а чем хуже Россия?

И действительно, Президенты уже избраны в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Туркмении и некоторых других республиках преимущественно с мусульманскими культурными традициями. Нет Президентов в Армении, Грузии, на Украине, в Белоруссии, в республиках Прибалтики. Вводить или не вводить президентскую систему — дело каждого народа. Однако непонятно, почему Россию хотят сориентировать на Восток, а не на Запад?

Когда вводили союзное президентство, его противники, в том числе и я, предупреждали, что то же самое сделают союзные республики и тем самым процесс разрушения страны не ослабнет, а усилится. Но Россия — это уменьшенный Союз. И уже сейчас бывшие автономии видят в российском президентстве такую же угрозу своей самостоятельности, как союзные республики — в президентстве союзном. Многие из республик, входящих в РСФСР, заявили о намерении ответить на избрание российского Президента введением таких же постов у себя. Все это не укрепит, а ослабит единство России. Излишне говорить о том, что страна с несколькими десятками Президентов, над которыми возвышается еще один «генеральный Президент», достойна лишь смеха сквозь слезы.

Аргумент третий: Президент — залог суверенитета. Будет Президент — будет и суверенная Россия, и наоборот.

Для агитации не слишком образованных людей такая позиция, безусловно, годится, однако не более того. Попробуем отрешиться от очередных иллюзий и еще раз обратиться к реальности. Сравним положение двух республик: Туркмении, где Президент избран всеобщим голосованием и, кажется, 98% пришедших на избирательные участки, и Латвии, где Президента нет вовсе. Кто возьмется доказать, что Туркмения более суверенна? Суверенитет республики определяется не тем, как называется должность ее лидера, а тем, какую реальную политику проводят высшие органы республиканской власти. Кстати, идею суверенитета, как любую другую идею, легче всего дискредитировать, если во имя защиты довести ее до абсурда.

Четвертый аргумент окрашен в демократические цвета: союзного Президента выбирал съезд, а российский будет избран народом. Первое — плохо, поскольку недемократично; второе — демократично, и поэтому хорошо.

Этот аргумент не хуже предыдущего действует на массовое сознание, однако для специалиста и он неубедителен. Дело в том, что здесь смешаны два вопроса: 1) о демократизме процедуры; 2) о демократизме установленного на основе этой процедуры политического режима.

С процедурной точки зрения всенародные выборы Президента, нет слов, выглядят куда как предпочтительнее. Однако избранный таким образом глава государства становится практически независимым от Парламента, оказывается, по существу, вне всякого контроля. Небезынтересно, что введение поста Президента предусмотрено обоими наиболее известными проектами Конституции России. Один из них, внесенный инициативной группой коммунистов, предусматривает менее демократическую процедуру (выборы на съезде), но меньший объем президентских полномочий. Второй же — официальный — демократическую процедуру (всенародные выборы), но зато более авторитарную и практически бесконтрольную президентскую власть. По проекту Конституции Российской

Федерации смещение Президента возможно лишь при наличии 2/3 голосов «за» в каждой палате Верховного Совета и 2/3 — в Конституционном суде, да и то лишь в случае, если будет признано, что Президент совершил преступление. В наших условиях чего-либо подобного представить себе просто не могу. Вспоминается блестящая реплика депутата А. Денисова при выборах Президента Союза: ни Генеральному прокурору СССР, ни Председателю Верховного Суда даже в кошмарном сне не может привидеться, чтобы они привлекли к ответственности руководителя страны. То же самое можно сказать и о России. Поэтому не лишено смысла замечание знакомого политолога, заметившего, что первый вопрос референдума (о сохранении Союза) вызывает у него стыд, второй же (о президентстве) — ужас. Если Конституция вознесет президентское кресло высоко над депутатами, если мы всенародно посадим на этот «трон» неподходящую фигуру, то исправить ошибки и злоупотребления нового лидера будет невозможно и некому.

Об одном заблуждении надо сказать особо. Наше общественное сознание склонно ориентироваться не столько на политические позиции, сколько на людей. Вера в доброго «барина»: Генсека, Президента и т. п., — в нас неиссякаема. Поэтому очень часто рассуждают так: сторонники Ельцина должны выступать за президентскую власть в России, сторонники Горбачева — против. Такая позиция неверна по сути, не говоря уже о том, что есть немало людей, для которых оба эти лидера представляются, парламентски выражаясь, далекими от политического идеала. На самом деле мы не знаем, кто станет Президентом Российской Федерации. Знаем только, что в условиях кризиса общественное сознание резко поляризуется, а это создает опасность победы радикала либо с той, либо с другой стороны. Ходячая фраза о том, что народ не ошибается, — иллюзия: ошибается, да еще как, особенно в критических ситуациях. Классический пример — избрание высококультурными, добропорядочными и уравновешенными немцами партии Гитлера в период «Великой депрессии». Но и в СССР уже есть примеры, когда под лозунгами демократии к власти приходят антидемократические национал-радикальные режимы.

Итак, соображения в пользу президентской власти, по крайней мере, сомнительны, а риск очень велик. Усилить исполнительную власть действительно нужно, но лучше это сделать, расширив полномочия премьера и не выводя его из-под депутатского контроля. Почему же, несмотря на очевидную ясность вопроса, идея президентства витает в воздухе? И кто ее поддерживает?

На уровне психологии — естественная жажда стабильности и порядка. Люди устали не только от очередей и «бескормицы», но и от постоянного социального и психологического напряжения. Не случайна популярность следующего анекдота. «Покажите нам еще раз по телевизору похороны Брежнева», — обращаются граждане на телестанцию. И в ответ на удивление руководства поясняют: «Первый раз мы смеялись, теперь мы будем плакать».

В политическом плане идею сильного Президента поддерживают радикальные течения как левого, так и правого толка и их сторонники. Одни, настроенные крайне лево, надеются, что Президентом станет второе издание товарища Сталина или, по крайней мере, Андропова, что такой Президент «закрутит гайки», наведет порядок и дисциплину, покончит с мафией, разгонит кооператоров и восстановит

социальную справедливость. Другие радикалы — правые — напротив, рассчитывают на сильную власть неопиновского образца, которая с помощью административного насилия введет рынок, разгонит колхозы и нерентабельные предприятия, внедрит насильственную приватизацию и «железной рукой» будет защищать новых собственников от недовольства сограждан. К сожалению, именно такую позицию занял в последнее время Г. Попов (См. его статьи: Огонек.— 1990.— № 50, 51; Московские новости.— 1990.— № 42). Интересно заметить, что именно в этом вопросе совершенно совпадают точки зрения В. Алксниса, который считается у нас «правым», и «левого» А. Собчака. Они по-разному смотрят на национальный вопрос, на проблемы армии, но оба требуют введения рынка под защитой жесткой авторитарной власти.

Теперь эта точка зрения пропагандируется и в Омске. Вспоминаю недавнюю публичную дискуссию в общественно-политическом центре на заседании клуба избирателей с народным депутатом России (фамилии опускаю, поскольку защищаю идеи и борюсь против идей). Коллега сначала высказался в том смысле, что наша общая задача — не допустить новых репрессий в стране, не допустить, чтобы кого-нибудь снова вешали. Однако через несколько минут он выступил против меня в защиту Пиночета. Оказывается, этот генерал был не так плох, он провел в своей стране экономическую реформу и департизацию всех государственных органов. Не плохо бы и нам такого Пиночета годика на три — примерно так закончил свою мысль российский депутат.

В том же плане высказался на публичной дискуссии в педагогическом институте другой коллега — на сей раз депутат Союза, за которого я в свое время агитировал, как за демократа, и который именно в этом качестве получил поддержку избирателей. Теперь его позиция изменилась едва ли не на противоположную: «коммунистический тоталитаризм» — это тупик (с этим я абсолютно согласен), иное дело — режим пиночетовского толка. Конечно, лучше бы обоиться и без него, но если уж не удастся — переживем: будет неограниченная частная собственность, экономическая свобода, а диктатура со временем отпадет.

Первый коллега «забыл», что Пиночет начинал именно с репрессий: правда, его солдаты не столько вешали, сколько стреляли и пытали. «Забыл» он и о том, что Пиночет просидел в президентском кресле не три года, а почти семнадцать. Второй коллега не упомянул, что экономическая свобода, основанная на неограниченной частной собственности, — это свобода для абсолютного меньшинства. Скажем, в одной из наиболее благополучных стран, бывшей ФРГ, хозяева собственного «дела» составляли 9%, в Англии акционеров, включая мелких, всего около 20% и т. д. Оба умолчали о том, что экономическая реформа в Чили, особенно поначалу, проводилась за счет обнищания большинства населения, да и сейчас, спустя 17 лет, более половины его находятся за чертой бедности. До «светлого будущего» чилийцам не ближе, чем нам. Судя по результатам референдума о судьбе Пиночета, большинство чилийцев абсолютно не разделяют восторгов моих коллег по поводу такой цены за экономический прогресс.

Но самое главное не в этом. Бесспорно, любая позиция имеет право на существование. Но совершенно непонятно, почему людей, поменявших первоначальные демократические ориентации на противоположные, мы продолжаем называть демократами? Не пора ли к этому определению добавить

«бывшие»? Ведь, если бы чилийцам рассказать, что есть место на земном шаре, где сторонники Пиночета считаются демократами, они наверняка решили бы, что речь идет о «Канатчиковой даче» или ином «Доме скорби».

Кто ошибется, кто угадает: «фанаты» товарища Сталина или же сеньора Пиночета? — с абсолютной точностью предсказать невозможно, одно ясно: в любом случае проигравшей окажется демократия. Ясно также, что введение президентской власти с громадными полномочиями и практически неподконтрольной депутатам является наилучшей легитимной (законной) формой установления авторитарного режима левого либо правого толка, а потому не надо повторять ошибок Союза. Если один Президент способен издать столько Указов, что граждане не успевают приходиться в себя, то двух Президентов Россия не выдержит.

СПАСЕТ ЛИ НАС ПРЕЗИДЕНТ? *

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1991.— 7 июня.— № 111. С. 1, 3.

Несколько недель назад на одной из моих многочисленных встреч с избирателями немолодая уже дама решительно заявила: «Вот если бы у нас в России был Президент, мы, наверное, не остались бы нагишом». Выражения я смягчаю, на самом деле сказано было круче. Я пытался выяснить, на чем основана такая уверенность. Ведь не секрет, что в мире есть много богатых стран без Президентов и еще больше бедных стран с Президентами. Да и у нас в Союзе Президентов становится все больше, а одежды все меньше. Я сказал собеседнице: «Один Президент у Вас уже есть. И если, по Вашему мнению, он раздевал народ, почему Вы думаете, что другой будет непременно одевать? Может быть, напротив, он будет помогать первому?»

Возразить что-либо она не смогла, но не думаю, что мне удалось ее вполне убедить. И не удивительно: ведь чуть больше года назад, когда выбирали Президента Союза, статьи с названиями типа «Да спасет нас Президент» публиковали известные ученые и политики. Как видим, не спас. И тем не менее все тоже самое повторяется уже про будущего Президента России.

Слушая собеседницу — труженицу, достойную всяческого уважения, прожившую, как большинство людей ее поколения, тяжелую жизнь,— я думал о том, что подобные иллюзии — это ее беда, а не вина. И не только потому, что они вообще свойственны кризисным эпохам. Зимой этого года на конференции в Москве американские политологи из Йельского университета не раз говорили своим советским коллегам, что демократия при низкой политической культуре — вещь весьма опасная, что в Советском Союзе процветают демагогия и популизм, и удивлялись, почему мы против этого не боремся.

Цель этой статьи как раз и состоит в том, чтобы разъяснить интересующимся некоторые вопросы, связанные с президентской властью, и помочь сделать осознанный выбор в пользу одного из кандидатов, не агитируя ни за кого из них.

Даже при первом взгляде на современную политическую жизнь России сразу бросается в глаза, что из всех многочисленных теорий демократий, выработанных политической наукой, массовое сознание и официальная российская пропаганда как будто «замкнулись» на одной — плебисцитарной. Как известно, плебисцит

означает всенародное голосование и отличается от референдума лишь тем, что результаты его имеют консультативное значение. Согласно плебисцитарной теории демократии, разработанной известным немецким социологом Максом Вебером, демократия понимается так: народ всеобщим голосованием выбирает лидера, которому доверяет. После этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне». Ни народ, ни партии не вправе вмешиваться в то, что он делает. Совершенно очевидно, что речь здесь, по сути, идет не о демократическом режиме, а о жесткой авторитарной, т. е. полудиктаторской власти, имеющей вместе с тем легитимную (законную) основу.

Думаю, что те 50 с небольшим процентов граждан России, которые на референдуме голосовали за введение поста Президента, в большинстве своем не подозревали, что являются поклонниками Макса Вебера. Но политики знают, во всяком случае обязаны знать и объяснить народу возможные варианты развития событий в случае практической реализации такого рода теории в нашей стране.

Идеи плебисцитарной демократии, иначе говоря, законно оформленного, окультуренного вождизма, не случайно овладевают массами чаще всего в переломные и кризисные моменты. В такие моменты действительно нужна достаточно сильная и авторитетная исполнительная власть, а популярный лидер может стать символом единства нации. Однако эта «медаль» имеет свою обратную сторону, да не одну, а целых две.

Во-первых, плебисцитарная демократия неминуемо рождает популизм. Для того чтобы быть избранным, лидер должен понравиться всем, предлагать только популярные решения (а они отнюдь не всегда верные), приспособливаться к среднему уровню и средним вкусам, которые к тому же сплошь и рядом представляют собой стереотипы, внушенные средствами массовой информации и массовой культурой, т. е. теми, кто этими средствами обладает. В условиях кризиса к этому добавляется еще одна шикарная возможность: крой крепче тех, кто был у власти, и успех обеспечен. Мой друг, профессор истории, любит повторять: «Стоит мне сделать что-нибудь такое, чтобы вызвало неудовольствие Президента Горбачева, и избрание в народные депутаты, а может быть, и повыше, мне обеспечено». Увы, в этом слишком много правды.

Синдром популизма легко обнаружить, как минимум, у трех из шести кандидатов в Президенты России. Вспомним хотя бы, как генерал Макашов, выступая на съезде народных депутатов России, призывал всех, кто против повышения цен, написать об этом на бюллетене в день голосования, давая понять, что он в случае победы отменит павловскую реформу. А чего стоит заявление лидера либерал-демократов Владимира Жириновского о том, что в случае его избрания к Президенту России будет выстраиваться длинная очередь из лидеров других республик и государств?! Но не далеко ушло и российское руководство, предложившее объявить Днем суверенитета России — 12 июня. Оказывается, ни князь Святослав, ни Дмитрий Донской, ни Минин и Пожарский, ни Петр I, ни, наконец, победители фашистской Германии не дали суверенитета России и не смогли его отстоять. Это сделали лишь народные депутаты простым голосованием 12 июня 1990 г. При всем к ним (т. е. к нам) уважении принятие подобного постановления — верх исторической несправедливости и самонадеянности. Политический же смысл его ясен, как день: голосуйте за того, кто дал России

суверенитет.

Теперь многие интеллигенты, включая тех, кто активно внедряли идею плебисцитарной демократии в массовое сознание, удивляются: как могли депутаты допустить к президентской компании явного популиста Жириновского? Однако удивляться нечему: ответ содержится в условии задачи. У украинцев есть пословица, вольный перевод которой звучит так: видели очи, что покупали, — ешьте, хоть повылазьте! Иными словами: хотели побыстрее окончательно взять власть с помощью плебисцитарной демократии — получайте ее такой, какой она только и может быть в России, да еще в условиях кризиса. К тому же, отвечая на вопросы депутатов Демократической России, Владимир Жириновский показал способность фехтовать словами в их же собственном стиле, чем и обеспечил себе симпатии другой половины российского съезда, в большинстве не способной к такого рода словесным поединкам. Как бы то ни было, популизм в России расцвел пышным цветом, и плоды его будут для большинства совсем не такими, какие оно предвкушает.

Во-вторых, и это известно всем сколько-нибудь серьезным политологам, система власти, основанная на плебисцитарной демократии в духе Вебера, способна более или менее успешно функционировать в странах с развитыми демократическими традициями, где уважение к Закону впитано с молоком матери и где к тому же существуют сильные противовесы, мощные «защитные механизмы», ограничивающие возможность превращения всенародно избранного Президента в диктатора. Если же этих условий нет, такая возможность более чем реальна. Не случайно в зарубежной политической науке до сих пор продолжается дискуссия о том, виновен ли Макс Вебер, как один из авторов Конституции Германии, заложивший в нее идеи плебисцитарной демократии, в приходе Гитлера к власти, и если да, то в какой степени.

Теперь читатель может по достоинству оценить уровень политграмоты комментатора отечественного телевидения, на всю страну недавно удивлявшегося тому, как могло случиться, что самая демократическая процедура (всенародные выборы Президента) явно ведет к установлению нового авторитарного режима в Грузии, к своеобразному большевизму с противоположным знаком? Причем антидемократический характер режима Гамсахурдия признается подавляющим большинством зарубежных наблюдателей и специалистов независимо от политической ориентации. На самом деле удивляться, конечно, нечему: здесь не парадокс, а закономерность. В условиях всеобщего кризиса, господства авторитарно-патриархальной политической культуры и распространения радикального рационализма в Грузии ничего другого и ждать было нельзя. Удивительно здесь лишь то, что наши телекомментаторы продолжают этому удивляться.

Между Грузией и Россией есть, конечно, различия. Например, национал-радикальные настроения выражены у нас, к счастью, гораздо слабее. И все же, положив руку на сердце, надо прямо сказать: в России нет условий, обеспечивающих безопасное функционирование плебисцитарной демократии веберовского типа: демократические традиции в политической культуре выражены крайне слабо, а «защитные механизмы» либо не успели создать, либо специально урезали.

Начну с последнего условия. В нашем общественном сознании прочно утвердился ложный стереотип о том, что сами по себе всенародные выборы Президента являются гарантией соблюдения им Конституции и Законов, что демократически избранный Президент обязательно будет гарантом демократии. Между тем западные политологи прекрасно понимают, что поручать Президенту охранять Конституцию — все равно что волку — стеречь овец!

В этой связи не могу не сказать о принципиальном дефекте «Закона о Президенте РСФСР», закрепленном теперь в Конституции России. Этот Закон по существу выводит правительство из-под контроля Верховного Совета и съезда народных депутатов. Верховный Совет лишь соглашается на назначение Премьера и может потребовать отставки правительства в целом. Все остальные кадровые вопросы решают Президент и Премьер-министр. Мне приходилось уже говорить с трибуны съезда, что, случись какое-нибудь новое дело о новых миллиардах, депутаты не смогут даже отправить в отставку провинившегося министра, что Верховный Совет при такой ситуации превратится в Гайд-парк, где сражаются ораторы, а вся реальная власть достанется президентской команде. Увы, сторонники демократии на съезде оказались по этому вопросу в «подавляющем меньшинстве». И «Демократическая Россия», и «Коммунисты России» проявили завидное единодушие и дружно проголосовали за антидемократическую статью. Кстати, такое трогательное единство в последнее время наблюдается все чаще. Кажется, только социал-демократ О. Румянцев сказал в своем выступлении, что такая система представляет собой смесь французской и латиноамериканской. Я бы добавил: с явным перекосом в сторону латиноамериканской суперпрезидентской республики, т. е. режима жесткой личной власти. В итоге депутаты добровольно лишили себя, а заодно и Россию, одного из важнейших «защитных механизмов» — контроля над правительством.

Еще хуже обстоит дело с традициями политической культуры. Когда наблюдаешь многотысячные митинги, на которых восторженно и фанатически скандируются имена новых лидеров, становится не по себе: ведь все это уже было и у нас, и у других тоже. Создается впечатление, что массовое сознание жаждет не демократии, а смены хозяина. В таких условиях интеллигенция обязана объяснять народу, как опасен любой культ личности, будь то личность правого, левого или без конца меняющего позиции лидера. Вместо этого слишком многие интеллигенты формируют и распаляют культовое сознание. Овации и славословие, которые мы слышим в последнее время в адрес новых руководителей, вполне достойны «славных» застойных времен. Да и терминология почти та же, разве что «измов» не слышно.

Но главное все же в другом. В сознании радикально настроенных людей принцип: «демократия — ценность сама по себе» все больше уступает место другому принципу: «демократия — это когда наши у власти». Обратили ли вы внимание, читатель, на разительные перемены в позиции многих депутатов, причисляющих себя к демократам, после того, как они пришли к власти? Нет? Тогда позвольте напомнить.

Межрегиональная депутатская группа на союзном съезде справедливо требует вывести средства массовой информации из-под контроля номенклатуры, избирать руководителей союзных газет, радио, телевидения на съезде народных депутатов

или Верховном Совете.— Большинство депутатов «Демократической России» на российском съезде народных депутатов голосуют против моей поправки точно такого же содержания. В их числе: Ельцин, Хасбулатов, Шахрай и... Полозков!

Межрегиональная депутатская группа, справедливо беспокоясь о судьбе демократии, голосует против предоставления Президенту Союза дополнительных полномочий.— «Демократическая Россия» требует как можно больше власти российскому Президенту.

Депутаты межрегиональной группы постоянно предупреждают общественность об угрозе диктатуры.— Депутаты «Демократической России» на III и IV съездах прямо требуют жесткой власти, а один из них, выступая вместе со мной в Клубе избирателей, публично заявил, что стране полезен был бы собственный Пиночет, ненадолго, годика на три!

При таких условиях я не удивлюсь, если окажется пророческим замечание одного знакомого москвича: «Мы 70 лет терпели от одних, теперь будем терпеть от новых. Надо же в кого-то верить!»

Думаю, читателю давно ясно: никаких надежд на Президентов-спасителей я не питаю. Более того, считаю, что риск установления авторитарного, антидемократического режима в наших условиях далеко перевешивает некоторые плюсы плебисцитарной демократии по веберовскому рецепту. Тем не менее я голосовал в целом за принятие конституционных поправок, связанных с введением поста Президента, поскольку такова была воля избирателей. Последнее, что я еще могу сделать,— это, не агитируя, попытаться помочь омичам правильно выбрать «своего» кандидата в Президенты.

Итак, если вы считаете, что в обществе люди должны как можно меньше различаться по уровню богатства, что рынок можно использовать только в очень малых дозах, что можно и нужно отменить реформу Павлова, снизить цены, закрыть торгово-закупочные кооперативы, если вы верите, что в этом случае экономика будет работать, если вы любите «твердый порядок», ваш кандидат — генерал Макашов и его вице-президент — профессор Сергеев.

Если переход к рынку вы считаете необходимым, но плавно и постепенно, с упором на социальную защиту малообеспеченных граждан и коллективное владение предприятиями, ваш кандидат — Николай Рыжков, при условии, что вы верите, что ему под силу провести такую реформу.

Если вы равнодушны к идеологическим ценностям («измам»), если вам все равно, каков будет общественный строй и в чьих руках государственная власть, лишь бы можно было сносно прожить, если вы сторонник сосуществования разных экономических укладов и разных политических течений — ваши кандидаты: Вадим Бакатин, Владимир Жириновский, Аман Тулеев. При этом имейте в виду, что Владимир Жириновский обещал заботиться о русских за пределами Российской Федерации, Аман Тулеев — первым же Указом — улучшить положение детей, а Вадим Бакатин — больше средств вкладывать в народное образование.

Наконец, если вы считаете, что переход к рынку нужно осуществить как можно быстрее и радикальнее, что спасение экономики — в снятии всех ограничений на деятельность кооперативов и частных предприятий, что частная собственность должна стать основным экономическим укладом, а частные предприниматели и

кооператоры способны вытащить нас из кризиса, ваш кандидат — Борис Ельцин. Курс Бориса Николаевича по отношению к Союзу предсказать не берусь, поскольку в апреле—мае он был совершенно иным, нежели в феврале—марте: на смену объявлению войны союзному правительству пришла идея «круглого стола» и соглашения «9+1» с Президентом Горбачевым.

Кандидатов в Президенты России я перечислил слева направо. Напомню: «левыми» в политике во всем цивилизованном мире называют партии и деятелей, ориентирующихся на большее социальное равенство, «правыми» — тех, кто ориентируется на большее неравенство. С этой точки зрения, генерал Макашов близок к левым радикалам, Николай Рыжков — к умеренно левому течению, В. Бакатин, В. Жириновский, А. Тулеев представляют разные варианты центристской позиции, причем Тулеев, насколько можно судить, несколько левее других. Самым «правым» среди кандидатов в Президенты является Б. Ельцин, хотя его часто меняющаяся, как у Президента Горбачева, позиция труднее всего поддается оценке.

Для тех, кто озабочен будущим отечественной демократии, добавлю, что демократические режимы во всех странах, где они есть, держатся на политических партиях и лидерах, более или менее близких к центру. Напротив, радикалы правого или левого толка нередко склоняются к жесткой, полудиктаторской власти. Выводы, думаю, очевидны.

Каждый избиратель должен проголосовать за одного из перечисленных кандидатов, а если симпатий не вызывает ни один — вычеркнуть всех. Но прийти на выборы нужно обязательно: напомню, что подсчет голосов будет вестись не от списочного состава, а от числа явившихся.

И последнее. Довольно часто приходится слышать: за такого-то кандидата голосовать нельзя, потому, что он представляет партократию. Должен прямо сказать, что эта позиция, имевшая основания еще год назад, сейчас безнадежно устарела. Во-первых, из двенадцати кандидатов в Президенты и вице-президенты девять — члены КПСС. Даже Борис Николаевич взял себе вице-президента из ЦК компартии РСФСР, не говоря уже о том, что и сам был «партократором» два десятилетия.

У всех этих кандидатов разные взгляды, так что принадлежность к КПСС в идейном плане теперь уже ничего не значит. Во-вторых, за последний год явно обнаружилось сращивание части бывших парт- и непартбюрократоров с частью бывших демократов на почве любви к «священной частной собственности». Дело в том, что если эта собственность станет основным экономическим укладом, главными собственниками, наряду с бывшими «теневиками», станут бывшие начальники. Поэтому уже сейчас многие из них готовы обменять власть на собственность, активно ищут и поддерживают новых хозяев. Им, в отличие от большинства народа, и обеспечено «светлое будущее» при новом «изме».

Знаю, что мои высказывания у многих вызовут неудовольствие, и тем не менее хочу повторить, что строка Интернационала: «Никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой», — сейчас столь же верна, сколь и сомнительна другая его строка: «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».

Пусть каждый перед голосованием еще раз взвесит: своего ли кандидата он выбрал.

НОВЫЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ. СВОБОДА ОТ ИДЕОЛОГИИ ИЛИ ИНАЯ ИДЕОЛОГИЯ? *

Опубликовано: Конституционный вестник.— 1991.— № 9.— декабрь. С. 17—24.

Обсуждение проекта Конституции Российской Федерации, подготовленного летом — осенью 1990 года рабочей группой во главе с депутатом Олегом Румянцевым, с самого начала приобрело характер «идеологической борьбы» в лучших традициях прежних времен. С обеих сторон преобладали агитационные, а не аналитические материалы, отношение же к проекту было объявлено тестом на демократичность, водоразделом между демократами и консерваторами. Если вспомнить к тому же воспроизведенное «Голосом Америки» заявление Олега Румянцева о намерении создать документ, который переживет века, и появление серии резко критических статей по поводу проекта в газете «Советская Россия», то можно оживить и атмосферу недавнего и уже такого далекого прошлого.

Видимо, только сейчас пришло время объективного политологического анализа содержания проекта Конституции. Такой анализ предполагает не хвалу и не хулу, а высвечивание достоинств и недостатков; не насаждение старых или новых стереотипов, а их развенчание; не обещание нового светлого (или темного) будущего, а просчет вариантов; не ультиматумы, а рекомендации. При этом в центре анализа должна оказаться идеология документа.

Я не оговорился: именно идеология. Дело в том, что весьма распространенное мнение о деидеологизации конституционного проекта, из которого исключены идеологические термины типа «советский», «социалистический» и т. п., само является новым идеологическим стереотипом: Конституцию по определению деидеологизировать невозможно.

Во-первых, даже если бы удалось вообще освободить ее от идеологических терминов, Конституция все равно осталась бы (и остается в любом обществе) первым по значению документом государственной (но не партийной) идеологии. Ведь идеология — это не что иное, как система представлений о желаемом общественном устройстве и путях его достижения. Спросим себя: имели ли разработчики, когда писали проект, перед мысленным взором модель будущего общественного и государственного строя нашей республики? Если нет — их надо увольнять за «профнепригодность». Конечно же — да. О какой деидеологизации в таком случае может идти речь? Независимо от употребляемых терминов, идеология любой Конституции определяется тем, как решаются в ней вопросы: собственности, прав человека, организации государственной власти и управления, национально-государственного устройства (если речь идет о многонациональной стране). Разумеется, все эти вопросы решает и проект Конституции Российской Федерации.

Во-вторых, проект во множестве содержит также и идеологические термины, причем наиболее ярко в нем представлены два основных «ряда». Любой политически образованный человек, читая в Конституции выражения типа «естественные и неотчуждаемые права», «естественное, неотъемлемое право собственности», «правовое государство» и т. п., без труда узнает идеологию либерализма; сталкиваясь же с формулами вроде «социальное государство»,

«социальное партнерство», «социальное рыночное хозяйство», укажет на социал-демократическую их принадлежность. Вообще говоря, эти новые идеологические метки мало чем отличаются по своей роли в языке Конституции от прежних «измов».

Но, разумеется, я далек от того, чтобы требовать исключения этих новых «измов» из проекта, тем более что многое из идеологии либерализма и социал-демократии входит в блок ценностей, которые сейчас принято считать общецивилизационными. Речь может идти лишь о коррекции идеологии документа.

1. Он перегружен идеологическими формулами, часто высокопарными и не слишком содержательными. Взять хотя бы бесконечные манипуляции со словом «свобода»: «труд свободен», «профсоюзы создаются свободно», «средства массовой информации свободны», «воспитание, образование, наука и культура свободны» и т. п. Выглядит это едва ли не столь же навязчиво, как манипуляции со словом «социализм» в брежневской Конституции. Но заклинаниями вызывают лишь джиннов в сказках да духов в спиритических сеансах. В политических же документах они способны вызвать эффект бумеранга. Поэтому следовало бы «очистить» проект от большинства подобных деклараций.

2. Поскольку Конституция возводит ценности социал-демократии и либерализма в ранг государственной идеологии Российской Федерации, из нее необходимо исключить статью 4.2: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии». Мотивы, заставившие разработчиков включить в проект эту формулировку, понятны и заслуживают уважения: это естественное желание не допустить воссоздания тоталитарной системы. Однако, стремясь отринуть один из ее принципов — единомыслие, мы вольно или невольно воссоздаем другой, который Джордж Оруэлл назвал двоемыслием: «Посредством Конституции устанавливаем официальную государственную идеологию и одновременно объявляем, что такое установление недопустимо!» Замечу мимоходом, что на заседаниях в Верховном Совете России мне приходилось слышать от коллег-депутатов не только о намерении ввести изучение Конституции в программы учебных заведений, что нормально, но и заменить этим изучением все дисциплины обществоведческого цикла, что вполне соответствует нашим «новым» представлениям о плюрализме.

3. Наряду с действительно современными общецивилизационными ценностями, которые представлены, главным образом, в разделах об основах конституционного строя и о гражданских и политических правах человека, проект содержит, на мой взгляд, и некоторые архаические идеологические формулы. Я имею в виду прежде всего статью 34.2: «Естественное и неотъемлемое право собственности является одной из основных гарантий осуществления прав и свобод человека».

Разумеется, в современных западных обществах, которые одни называют капиталистическими, другие посткапиталистическими, третьи — обществами социального капитализма и т. п. и которые явно имеют в виду разработчики проекта, собственность действительно служит одной из гарантий прав и свобод человека, если, конечно, он эту собственность имеет и если его права не подавляются авторитарным режимом. Однако это право по природе не естественное, а социально-историческое.

В самом деле, если право собственности имеет естественный характер, то о каком именно праве идет речь? О неписанном праве древних общин, практически исключавших индивидуальную собственность, или праве античной Греции, где естественным считалось обращать варваров, а затем и соплеменников в рабов? О праве собственности средневекового сеньора, включавшем, между прочим, и право первой ночи, или же эпохи первоначального накопления капитала, о котором можно сказать словами героя «Крестного отца»: «В основе каждого крупного состояния лежит преступление?» А может быть, о праве собственности современного шведского предпринимателя, у которого социал-демократы изымали в виде налога 75% личного дохода, полученного сверх определенного размера? А если естественны все перечисленные и неперечисленные разновидности права собственности, то какое же из них может служить гарантией прав и свобод личности?

Вообще большинство людей каждой исторической эпохи считают «естественными» именно порядки (включая отношения собственности) своего времени, «неестественными» или даже «противоестественными» — порядки эпох минувших или будущих. В кризисные моменты, подобные нашему, это положение выворачивается наизнанку: «противоестественным» представляется то, чему поклонялись вчера.

Как знает каждый, кому приходилось изучать историю общественной мысли, идея естественного права была крупным достижением эпохи перехода от позднего средневековья к начальному периоду Нового времени, т. е., в традиционных терминах, зари капитализма. Тогда эта идея несла в себе мощный антифеодальный и особенно антисословный гуманистический заряд. Правда, уже в XVIII веке практические выводы из теории «естественного права» были различны до полной противоположности. Так, Вольтер выводил из нее необходимость частной собственности и неравенства («На нашем несчастном земном шаре невозможно, чтобы люди не делились на два класса: богатых, которые повелевают, и бедных, которые служат»); Руссо — необходимость частной собственности и равенства (общество равных частных собственников); Морелли же — необходимость равенства без частной собственности. Вообще говоря, ближе к истине был именно последний мыслитель, ибо «естественное право», конечно, соответствует «естественному состоянию», а дикари, как известно, вполне равны и живут в условиях «первобытного коммунизма».

Разумеется, легко понять, почему идея «естественного права» приобрела ныне в России почти такую же популярность, как во Франции накануне Великой буржуазной революции XVIII в. Однако вряд ли стоит «обогащать» Конституцию выдающимися достижениями человеческой мысли 200-летней или 300-летней давности, вытаскивая их «из нафталина». Социальные идеалы надо искать в будущем, а не в прошлом веке.

Но, пожалуй, главный архаизм, связанный, впрочем, с поклонением теории «естественного права», содержит статья 12 проекта, озаглавленная: «Незыблемость конституционного строя». Прочтем ее первый пункт: «Провозглашенные в настоящем разделе Конституции основы конституционного строя РФ: государственный суверенитет, приоритет прав и свобод человека, народовластие, политический плюрализм, рыночное хозяйство, социальное государство, фе-

дерализм, разделение властей, верховенство права, открытость РФ и ее вовлеченность в мировое сообщество, гарантии незыблемости конституционного строя — не могут быть отменены». Вот так: никем и никогда. Не больше и не меньше. Как пели в 60-х: «Будет людям счастье, счастье на века!»

И здесь намерения разработчиков легко понять: страшен призрак системы тоталитарного социализма, велико желание сделать безвозвратной происходящую на наших глазах смену общественного строя. Однако незыблемость общественных систем в истории провозглашалась уже десятки раз едва ли не со времен царя Хаммурапи. Вспомним хотя бы китайскую «Поднебесную империю» или «Москву — Третий Рим», или, наконец, полную и окончательную победу социализма в СССР — словосочетание, вызывающее у одних смех радости, у других — смех сквозь слезы. Неужели будем пробовать еще раз? Неужели разработчики не понимают, что если социальные потрясения будут продолжаться, последующее поколение политиков станет обращаться с «ельцинской» (или «румянцевской») Конституцией так же, как мы сейчас обращаемся с брежневской? Стоит ли вообще обманывать сознание верующих (а сознание неверующих — аздражать) термином «незыблемость» в условиях разваливающейся страны, разрушение которой не обошло и Российскую Федерацию (Татарстан, Чечня)?

Справедливости ради надо сказать, что идея незыблемости конституционного строя разработчиками не просто провозглашается, но и подкрепляется определенными процедурными гарантиями: в проект заложена идея утверждения Конституции на Всероссийском референдуме.

Только путем референдума допускаются также и изменения отдельных положений первого раздела проекта, не затрагивающие основ конституционного строя (ст.12.2). Иначе говоря, в поисках стабильности Конституции авторы обращаются к идее плебисцитарной демократии, т. е. такой, где решения принимаются всем народом непосредственно путем голосования (плебисцита). Последуем же за ними, попросив у читателя прощения за некоторое злоупотребление теорией.

Зарубежная политическая наука, давно изучающая этот вопрос, убедительно показала, что плебисцитарная демократия может более или менее нормально функционировать, по крайней мере, при наличии трех условий:

- а) развитая система демократических традиций;
- б) высокий уровень общественной стабильности;
- в) наличие сильной оппозиции.

Совершенно очевидно, что о двух первых условиях мы можем только мечтать, да и третье исчезло после фактического запрета и распада КПСС. В условиях же господства авторитарно-патриархальной культуры, лишь поменявшей плюсы на минусы, когда кризис нарастает, а все ведущие средства массовой информации представляют, по существу, одно направление, голосующим нередко отказывает здравый смысл, а плебисцитарная демократия дает сбой, как минимум, тройкого рода.

Во-первых, демократическая процедура нередко ведет к установлению не демократического, а авторитарного режима. Пример — прямые выборы Президента Грузии. Во-вторых, когда это невыгодно властям, с результатами референдума просто не считаются. Вспомним хотя бы дружный выход из Союза республик,

население которого высказалось за участие в нем. В-третьих, итоги референдумов почти повсеместно совпадают с позицией руководства, особенно если руководитель достаточно популярен. Результаты отечественных президентских выборов и плебисцитов, когда «за» голосует 83, 94, 99% и т. п., вызывают у специалистов-политологов, скорее, тревогу, чем удовлетворение, ибо такое единодушие справедливо считается признаком недоразвитой демократии и плюрализма. Я не удивляюсь тому, что на Украине, где 18 марта 80 с лишним процентов населения высказались за участие в Союзе, 1 декабря большинство проголосовало за полную независимость.

Тем более неприемлемо всенародное голосование в той форме, в какой это предлагается разработчиками, т. е. за Конституцию в целом. Мне не приходилось встречать данные социологических опросов, однако личный опыт общения с избирателями свидетельствует: добрая половина их не прочла и не прочтет проекта, а из оставшейся половины значительное большинство не подготовлено к тому, чтобы разбираться в юридических тонкостях. Тем и другим не останется иного выбора, как довериться случаю либо мнению популярного политического деятеля и голосовать наобум. Кроме того, голосовать придется единым махом за полторы сотни статей и несколько сот параграфов, среди которых есть очень хорошие, хорошие, средние, плохие и очень плохие. Сознательный выбор в такой ситуации более чем проблематичен, равно как и надежды с помощью плебисцитарной демократии увековечить конституционный строй. Если кризис будет продолжаться и новой власти потребуются отменить Конституцию либо какие-то ее положения, эта новая власть сумеет не хуже нынешней овладеть общественным сознанием и провести референдум с заранее заданными итогами.

Вполне понимаю разработчиков, которым хочется сохранить свое творение в целостности и не отдавать его «на растерзание» российского съезда народных депутатов. Однако это все же меньшее из зол, ибо альтернатива ему — манипулирование народом посредством самого народа, т. е. худший вид манипулирования. В утешение авторам могу лишь напомнить, что на российском съезде депутатские поправки к Конституции в абсолютном большинстве своем не проходят, но зато легко принимаются те, что предложены или поддержаны руководством. Вспомним хотя бы, как II съезд народных депутатов РСФСР (первый из внеочередных) за 40 минут принял 16 поправок к Конституции, предложенных конституционной комиссией. Для сравнения могу напомнить, что в США за 200 лет было принято 26 поправок.

Если же все-таки нам так мила плебисцитарная демократия, что жить без нее мы уже не можем, следует вернуться к решению первого съезда народных депутатов России и вынести на референдум основные принципы Конституции, сформулировав их предельно просто и четко, и желательно в альтернативной форме. Есть, разумеется, минусы и у этого варианта, но здесь мы, по крайней мере, проявим больше уважения к нашим согражданам.

Итак, решающее слово за Российским съездом.

ДОРОГА, НО В КАКОЙ ВЕК?

Размышления над проектом Конституции Российской Федерации

Центром идейной и политической борьбы, развернувшейся в последнее время в России, стал вопрос об отношении к новой российской Конституции. Как известно, на обсуждение общественности вынесено два проекта этого документа. Один подготовлен рабочей группой Конституционной комиссии во главе с депутатом О. Г. Румянцевым, другой — инициативной группой коммунистов России. Официально объявлено, что первый документ Конституционная комиссия приняла за рабочую основу, хотя из 102 ее членов «за» проголосовали 37, «против» — 33, второй опубликован как альтернативный. Рамки газетной статьи позволяют остановиться лишь на некоторых моментах основного проекта и дискуссий вокруг него.

Разработчики этого проекта не раз и не без гордости заявляли, что он «деидеологизирован», поскольку из него исключены слова «социалистическая» и «советская» в названии республики и тексте статей. Однако сама Конституция в любом обществе есть первый документ государственной идеологии, и если можно освободить ее от идеологических терминов, так называемых «измов», то от идеологии, т. е. определенной системы ценностей, — никогда. В этом смысле «деидеологизация» Конституции — свидетельство такого же идеологического догматизма, как и бесконечное упоминание идеологических терминов. Мне, социалисту, представляется, что бороться надо не за термины в названии республики, а за содержание Конституции: в конце концов, северо-американские штаты не именуется соединенными буржуазными, а Швеция — полусоциалистическим королевством!

Идеология любой Конституции определяется тем, как трактуются в ней, как минимум, четыре вопроса: собственности, власти, прав человека, национальный. Вот ключевые положения официального проекта по поводу собственности в Российской Федерации.

Статья 1.7., параграф 2. «Право собственности и наследования, равенство всех видов и форм собственности, стабильность отношений собственности гарантируются государством». В варианте, розданном народным депутатам России до официальной публикации, здесь значилось: «Основа экономики — свободный предприниматель...».

Статья 3.1.1. «Неотчуждаемое естественное право быть собственником является гарантией осуществления интересов и свобод личности и предполагает нравственное, рациональное использование собственности». В тексте для депутатов такой гарантией объявлялось «неотчуждаемое естественное право частной собственности».

Как видим, в первоначальном варианте идеологический пафос выражен ярче и откровеннее, в опубликованном же идеология «закрашена». Но суть дела не меняется: провозглашая равноправие всех форм собственности, авторы душой на стороне «естественного права» «священной частной собственности». В этом, кстати, легко убедиться, внимательно проанализировав уже принятый Закон «О собственности в РСФСР». Чего же ждать России, если Конституция будет принята и, в отличие от своих предшественниц, чего доброго, станет работающей?

Начнем с «высоких материй» — «естественного права». Как знает каждый, мало-мальски знакомый с историей общественной мысли, эта идея была крупным достижением позднего средневековья и начального периода Нового времени, т. е.

«зари» капитализма, несла в себе сильный антисловный гуманистический заряд. Однако вытаскивать ее из «нафталина» и представлять как новое слово юридической науки в конце XX в., по меньшей мере, странно.

В самом деле, если бы можно было спросить античного грека о его естественных правах, он наверняка назвал бы в их числе право владеть людьми — рабами. На подобный же вопрос средневековый феодал заявил бы о своем естественном праве на землю, к которой прикреплены крестьяне, и т. п. Вообще, большинство людей каждой исторической эпохи считают «естественными» именно порядки своего времени, «неестественными» или даже «противоестественными» — порядки эпох минувших или будущих. В кризисные моменты, подобные нашему, это положение выворачивается наизнанку: «противоестественным» представляется то, чему поклонялись вчера.

Видимо, авторы всерьез вознамерились ограничить историю России достижениями человечества 200-летней давности и «остановить мгновенье». Так, секретарь рабочей группы Конституционной комиссии О. Г. Румянцев, будучи в США, обещал, судя по сообщению «Голоса Америки», создать документ, который переживет века, а в первом проекте этого документа можно прочесть: «Основные принципы конституционного строя Российской Федерации не могут быть отменены» (статья 1.12). Спрашивается, чем это отличается от заявлений о «вечности Рима», китайской «Поднебесной империи», от наших собственных недавних официальных фраз о полной и окончательной победе социализма? Ныне формулировка статьи изменена, но претензии на внеисторичность остались.

Теперь о частной собственности как гарантии прав и свобод. Это положение верно, однако с двумя принципиальными оговорками. Оно верно, во-первых, для условий классического капитализма. Уже в современных высокоразвитых странах Запада интересы и свободы большинства граждан гарантируются не собственностью, которой у них или нет, или слишком мало, а политикой так называемого социального государства (система страхования, обязательный минимум заработной платы и т. п.). Во-вторых, это верно лишь для тех, кому посчастливилось стать хозяином собственного «дела», а такие повсюду составляют меньшинство. Скажем, в ФРГ 80-х — не более 9 %, да и среди них до 90% и более мелких предпринимателей. Кстати, когда именно предприниматель провозглашается основой экономики, предпочтение заведомо отдается этому меньшинству перед остальными гражданами.

Разработчики официального проекта не раз заявляли, что подготовили документ XXI века и что Россия стоит перед конституционно-правовой революцией. На мой взгляд, последнее настолько же истинно, насколько первое ложно. Принятие Конституции действительно может стать началом политического и экономического переворота, началом нового пути России. Но куда поведет этот путь?

Думаю, руководствуясь принципами «естественного права», «священной частной собственности», Россия действительно может оказаться европейским государством, но не будущего, а, в лучшем случае, прошлого века. Еще более вероятно, что она окажется в той группе экономически зависимых стран «третьего мира», где господствует капитал азиатско-бюрократического и мафиозного типа. Среди практических последствий «конституционной революции» назову лишь два.

Во-первых, не успев освободиться от власти одной элиты, бюрократической,

народ попадает под власть другой — буржуазной, ибо популярная формула: «У кого собственность — у того и власть» относится, конечно, не только к бюрократии, но в еще большей мере к крупным частным предпринимателям. Да и новой эта элита будет лишь отчасти. Во время разложения бюрократической системы именно корыстные чиновники имели больше возможностей для незаконного обогащения. Теперь эти средства будут пущены в ход. Следует ожидать скорого прекращения борьбы радикальных приватизаторов и худшей части консервативных «аппаратчиков»: «священная частная собственность» их помирит. Большинство же народа останется «при своих интересах».

Во-вторых, такой ход событий создаст в России еще более высокое социальное напряжение, возможно, вызовет малую гражданскую войну. «Простые» люди довольно быстро обнаружат, что лидеры, на которых возлагалось столько надежд, привели в царство не свободы, а новой несвободы. И тогда есть основания ожидать, что всеобщая ненависть к бюрократии перекинется на новых «хозяев жизни», начнется сопротивление курсу на классический капитализм.

Судя по всему, это понимают и сторонники такого курса, ибо «плач» по «твердой руке» слышен теперь не только из консервативного, но и из противоположного лагеря. Выступая в начале января по «Радио России», известный радикальный экономист В. Селюнин несколько раз повторил, что стране нужен Столыпин, знаменитый, среди прочего, «столыпинскими галстуками». Чилийский диктатор А. Пиночет неожиданно для себя стал положительным героем немалого числа российских радикалов. Наконец, в официальном проекте Конституции (вариант А) предполагается система очень сильной президентской власти, которая при отечественных традициях в любой момент может превратиться в авторитарный режим.

Итак, совершенно очевидно: путь классического капитализма, к которому склоняются авторы официального проекта, как и путь возврата к прежней, административно-бюрократической модели социализма, вряд ли возможен без диктатуры или полудиктатуры, только в одном случае это будет диктатура неосталинистского толка, в другом — неостолыпинского или неопиночетовского. Так что все хорошие статьи о правах человека в новом проекте могут разделить судьбу аналогичных статей Конституции-1937.

Но есть ли третий путь? Думаю, да. Чтобы выйти на него, в Конституцию нужно заложить следующие экономические принципы:

1. «Смешанная экономика», многообразие форм собственности, включая частную, преимущественно в форме мелкого предпринимательства. Такое многообразие необходимо, чтобы гарантировать достаточно высокую эффективность производства.

2. Основа экономики — не свободный предприниматель, а свободный работник, имеющий преимущественное право быть собственником используемых им средств производства, т. е. имущества своего завода, колхоза, ферм и т. п., а значит, и право на коллективное предпринимательство.

Реализация преимущественного права работника быть собственником должна быть законодательно закреплена в двух основных формах:

- а) в форме полномочного коллективного владения государственными предприятиями без права их распродажи;

б) в форме коллективно-долевой собственности западного типа, где акционерами являются только работники, акции распределены более или менее равномерно, наемный труд практически отсутствует, а напротив, коллектив нанимает администрацию предприятия.

Обосновывая эти положения на внеочередном съезде народных депутатов России, я говорил о том, что производство, где работник является собственником, эффективно не только экономически, но и социально. Такие предприятия на Западе успешно конкурируют с частными, гораздо реже разоряются, на них рабочий чувствует себя комфортнее, лучше трудится, не бастует. Даже администрация Президента Дж. Буша предоставляет экономические льготы фирмам, продающим акции собственным работникам, но не потому, разумеется, что она «покраснела», а потому, что хорошо понимает преимущества «экономики участия». Парадокс состоит в том, что в странах капитализма наибольшие заслуги в движении к такой экономике принадлежат социал-демократам, однако социал-демократическая партия Российской Федерации, одним из лидеров которой является О. Г. Румянцев, отдает предпочтение не народным, а частным предприятиям.

И, наконец, о процедуре принятия Конституции. На I съезде депутатов России Б. Н. Ельцин обещал, что на референдум будут вынесены ее основные принципы. Те из них, что получают одобрение, станут базой для работы Конституционной комиссии. Теперь же секретарь этой комиссии настаивает на референдуме по проекту в целом или по двум альтернативным проектам. Считаю, что в таком случае референдум превратится в форму политического манипулирования: большинство народа не прочтает двух проектов или не разберется в юридических тонкостях и ему придется голосовать наобум, вверяя судьбу случаю или популярному политическому деятелю. Да и как можно голосовать за сотню статей и параграфов разом, если половина из них вполне приемлема, а другая вызывает возражения?

Иное дело — принципы. Манипулирование возможно и здесь, но выбор куда реальнее: Советы или «десоветизация»; Президент: да или нет; частные или народные предприятия как основа экономики; земля: продавать или не продавать и т. п. Хорошо бы Председателю Верховного Совета РСФСР вспомнить его первоначальное обещание. Уверен: дорога в XXI век нам не закрыта. Но чтобы на нее выйти, надо не оглядываться на ступени, пройденные западной цивилизацией, а ориентироваться на те тенденции и ростки нового, которые она отчетливо проявляет сейчас. Дело за малым: чтобы большинству народа, когда он придет на референдум, не отказали историческое зрение и здравый смысл.

* * *

Эта статья была написана осенью 1991 г. по предложению корреспондента одной из центральных газет. Однако по причинам, мне неизвестным, в свет так и не вышла. С тех пор минул целый исторический период: Конституция, которая считается принятой 12 декабря 1993 г., в сравнении с тем проектом, который подвергался критике в этой статье, выглядит как великий грех на фоне мелкого прегрешения. Мне не раз уже приходилось говорить, что все ее содержание могло бы быть изложено в двух статьях:

Статья 1. Президент всегда прав.

Статья 2. Если Президент не прав, смотри статью 1.

Что же касается главного разработчика конституционного проекта, которому посвящена данная статья,— Олега Румянцева, то он давно перешел в оппозицию. В период малой гражданской войны в Москве в сентябре—октябре 1993 г. он был не с теми, кто расстреливал, а с теми, кого расстреливали, и вел себя в высшей степени достойно. Ныне Олег Румянцев активно выступает с идеями русского социализма.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА VII СЪЕЗДЕ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
4 ДЕКАБРЯ 1992 г. ***

Опубликовано: Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации, 1—14 декабря 1992 г. Стеногр. отчет.: В 4 т. Т. 1.— М.: Республика, 1993. С. 394—395.

Уважаемые коллеги! Я тоже хочу остановиться на вопросе о референдуме. Как специалист я должен сказать, что время для проведения референдумов в России сейчас крайне неблагоприятное. Для того чтобы референдум действительно мог выявить волю большинства населения, необходимо выполнение нескольких условий: первое — сильная оппозиция; второе — реальный информационный плюрализм, доступ к государственным средствам массовой информации представителей различных течений и сил; третье — развитые демократические традиции, демократическая, а не царско-генсековско-президентская культура; четвертое — высокая степень общественной стабильности.

Совершенно ясно, что у нас есть лишь первое условие, об остальных можно только мечтать. Особенно опасно то, что в обществе нет стабильности. Представим себе, что назначат референдум по вопросу о Конституции. Вполне вероятно, что к нему будут «подвешены», простите за непарламентское выражение, новые вопросы. Скажем, о земле, о Президенте или президентстве, о Курилах, о собственности, о приватизации и т. п. Результатом этого будет стабилизация общества или нарастание конфликтов? Это, как минимум, равновероятно.

С другой стороны, Председатель Конституционного Суда здесь объяснял, что дело не в Конституции, а в политической воле, отсутствие ее никакая Конституция не заменит. Не Конституция будет определять жизнь, а жизнь будет определять работоспособность Конституции.

И последнее. Референдум по Конституции или по разделу в целом — это, на мой взгляд, крайнее неуважение к собственному народу. Мы заставляем людей отвечать сразу на несколько десятков вопросов. Это худший вид манипулирования: манипулирование народом посредством самого народа. Я предлагаю постановление доработать: либо возвратиться к решению I съезда, а значит, начинать все сначала, либо принимать Конституцию на съезде.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА VII СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 11 ДЕКАБРЯ 1992 г. ***

Опубликовано: Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации, 1—14 декабря 1992 г. Стеногр. отчет.: В 4 т. Т. 4.— М.: Республика, 1993. С. 73—74.

По вопросу о проекте Закона о референдуме

Уважаемый съезд, уважаемый председательствующий! Убедительно прошу выслушать меня в течение одной минуты, но внимательно.

Мне кажется, мы явно поторопились, решив голосовать предложенный законопроект, который вносит поправку в закон о референдуме. Во-первых, мне представляется, что это решение будет недемократичным: граждане должны иметь право досрочного прекращения полномочий и депутатов, и Президента, если они не оправдали доверия. Во-вторых, это будет политически вредно: принимая такое решение, съезд, как говорят японцы, рискует потерять лицо. В-третьих (может быть, главное), это решение будет практически бесполезно, ибо его всегда можно обойти, что называется, сбоку. Всегда можно провести референдум не о доверии съезду, а о ликвидации института съезда, не о доверии Президенту, а о ликвидации института президентства. Наконец, можно провести референдум о праве граждан проводить референдум о доверии съезду и Верховному Совету, и именно этим уже занимаются сейчас наши коллеги из «Демократической России» в Москве и Московской области. Таким образом, будет все то же самое, но только в два этапа, чуть-чуть подлиннее.

Вывод: предложенный законопроект принимать не следует, так как эффект будет минимальный, а моральные потери — большие. Но можно вернуться к предложению, которое было высказано сегодня утром: в связи с чрезвычайной ситуацией вообще приостановить на год действие Закона о референдуме. Это решает проблемы. Можно готовить соответствующий проект постановления и тогда вернуться к этому вопросу.

ПЛЕБИСЦИТ КАК СРЕДСТВО УТВЕРДИТЬ МНЕНИЕ. СОБСТВЕННОЕ *

Опубликовано: Российская газета.— № 23.— 1993.— 14 февраля. С.1—2.

Политические лидеры и средства массовой информации в большинстве случаев представляют будущий референдум как долгожданное торжество демократии в России.

Однако столь благостной картина выглядит лишь с первого взгляда. Даже беглый анализ обнаруживает массу подводных камней.

Начнем хотя бы с вопроса о том, как будут выноситься на референдум основные положения Конституции: «в пакете» (блоком) или каждое в отдельности? Нельзя же всерьез думать, что гражданин, придя на избирательный участок, будет механически подсчитывать приемлемые и неприемлемые положения Конституции и в зависимости от этого голосовать «за» или «против»? Вообще, если вся эта процедура и отличается чем-либо от процедуры союзного референдума 17 марта 1991 г., то только в худшую сторону: тогда нам предлагали односложно отвечать на три (или четыре) различных вопроса, теперь же «в пакете» будет, вероятно,

вопросов 15 или 20! Неуважение к собственному народу, стремление использовать его лишь в качестве объекта политического манипулирования очевидны.

Однако и второй вариант референдума, когда гражданам придется одобрять или не одобрять каждое из основных положений Конституции в отдельности, — вариант, безусловно, гораздо более честный, — отнюдь не избавляет организаторов и население от трудностей. Средоточием их станет следующая проблема: какие вопросы выносить на референдум и как их формулировать? Сами же трудности условно могут быть подразделены на три группы.

Первая — трудности политико-юридические. Если отношение большинства населения к референдуму будет осмысленным, а не механическим, достаточно вероятна ситуация, когда утвержденными окажутся не все, а лишь часть положений новой Конституции. Если в число последних попадет, например, герб — беда не столь велика. Но за бортом вполне могут оказаться положения концептуального характера, скажем, вопросы собственности или организации власти.

Вторая — трудности политико-морального характера. Именно их преодолеть будет, пожалуй, сложнее всего. Многие специалисты-политологи признают, а богатый опыт различных стран свидетельствует: правящие политические элиты в большинстве случаев проводят референдумы не для того, чтобы выяснить мнение народа, а для того, чтобы с его помощью утвердить свое собственное и возвести его в закон. Причем именно плебисцитарная демократия нередко оказывается наиболее приемлемой для населения формой легитимации (узаконивания) власти политической элиты.

В свое время этого теста не выдержала союзная политическая элита, группировавшаяся вокруг ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. На референдуме 17 марта 1991 г. она вынесла формулировку, в которой к двум «локомотивным» вопросам (о сохранении союзной государственности и о соблюдении прав человека) «подвесила» также и вопрос о названии государства (Союз Советских Социалистических Республик), а тем самым косвенным образом и вопрос о характере общественного строя. Все это стало объектом обоснованной критики со стороны тогдашней оппозиционной «Демократической России».

Аналогичного теста совсем недавно не выдержали лидеры современной «Демократической России», собиравшие подписи граждан и депутатов под требование референдума по вопросу о собственности на землю. Большинство людей, заполнявших подписные листы, наверняка не заметили, казалось бы, незначительной подмены тезиса, которую содержала предложенная формулировка.

Они выступили за право частной собственности на землю, имея в виду прежде всего тех, кто ее обрабатывает. Но вопрос был поставлен уже о безусловном праве частной собственности, т. е. праве, ничем не ограниченном. Неограниченное же право вообще, а право частной собственности на землю в особенности, едва ли можно найти в истории человечества.

Подготовка предстоящего референдума, безусловно, вызовет борьбу за формулировки между президентской и пропарламентской частями правящей элиты, а также между ней и оппозицией. Наложённый VII съездом запрет на проведение 11 апреля любых других референдумов, кроме как по основным положениям Конституции, в этом смысле мало что дает.

Конечно, оппозиция не сможет вынести на него прямой вопрос о досрочном

прекращении полномочий Президента, а течения, называющие себя радикальными демократами,— о роспуске Парламента. Однако «основные положения Конституции» — понятие столь широкое, что под него вполне можно подвести практически все основные параметры политического будущего страны.

Прежде всего, я думаю, вызовет бурю политических страстей вопрос о вопросах, т. е. о том, какие именно основы общественного и государственного устройства России должны считаться устоявшимися, самоочевидными и о каких следует опрашивать мнение населения.

Иначе говоря, ставить их под сомнение. В качестве иллюстрации возьмем лишь два примера, хотя число их можно было бы без труда умножить. Речь идет о том, следует ли выносить на референдум вопросы о форме правления в Российской Федерации (республика или монархия) и о праве республик (а может быть, краев и областей) на выход из состава России.

Политическая честность требует вынесения их на референдум хотя бы потому, что за это выступает существенная часть населения.

Что же касается права на выход из России, то на VII съезде народных депутатов упорно муссировались слухи о том, будто политические руководители восьми российских республик намеревались поставить этот вопрос на всенародное голосование в случае реализации известной инициативы Президента.

Повторю: оба вопроса имеют право на постановку. Однако первый из них выглядит более чем экстравагантным в конце XX в., а второй — более чем несвоевременным в условиях продолжающегося экономического и политического кризиса. Поэтому вопрос: «выносить или не выносить?» — не раз встанет перед организаторами референдума с гамлетовской остротой, рано как и проблема выбора меньшего из нескольких больших зол.

Предположим, однако, что российская политическая элита явила миру редкое исключение — высокий образец уважения к собственному народу. Увы, и в этом случае отнюдь не все трудности позади.

Оказывается, даже при подлинном желании не манипулировать населением, а выявить его действительное мнение, весьма сложно найти формулировки, позволяющие получить результат, который нельзя было бы интерпретировать различным образом.

Ни для кого не секрет, что после решения VII съезда из окружения Президента не раз звучали призывы решить с помощью референдума вопрос о том, какой быть нашей республике: президентской или парламентской? И тем самым покончить с попытками Парламента в той или иной мере взять правительство под свой контроль. На самом же деле подобная постановка вопроса даже при самых лучших намерениях вряд ли имеет смысл.

Во-первых, мировая практика знает разные модели как президентской, так и парламентской республики с различным распределением функций между законодательной и исполнительной властью. Чем бы ни закончился референдум, выбор одной из этих моделей все равно останется прерогативой депутатов — нынешних и будущих.

Во-вторых, распространенное (точнее, распространяемое) мнение, будто на последних съездах народных депутатов России происходила борьба между сторонниками президентской и парламентской республик,— мнение заведомо

ложное.

Если бы даже поправки к Конституции, предполагающие назначение и увольнение в отставку ведущих членов правительства Президентом с согласия парламента,— т. е. те самые поправки, против которых часть «радикальных демократов» готова была сражаться в рукопашную,— были приняты съездом, это отнюдь не превращало президентскую республику в парламентскую.

В парламентской республике, как известно каждому мало-мальски политически образованному человеку, правительство формирует не Президент, а премьер-министр, как правило, лидер победившей партии или блока. В данном же случае речь шла всего лишь об одной модели президентской республики.

Иначе говоря, если население на референдуме выскажется за президентскую республику, что при наших авторитарных традициях вероятнее всего, Президенту это ровным счетом ничего не дает. Республика наша и без того президентская, а по некоторым параметрам даже суперпрезидентская. Если же большинство голосов получит парламентская республика, что маловероятно, референдум обернется крупной победой оппозиции: депутатам придется либо ликвидировать институт президентства вообще, либо свести роль Президента к функциям «свадебного генерала».

Но и это еще не все. Надо иметь в виду, что голосование двух, а тем более одной формулировки едва ли не по любому вопросу об основах конституционного строя резко ограничивает для граждан реальные возможности выбора, заранее как бы подсказывая им желательный для организаторов ответ.

Учитывая к тому же, что формулировки «президентская республика» или «парламентская республика» допускают различную интерпретацию, а рядовому гражданину вообще мало что говорят, вопрос следовало бы сформулировать иначе. Например, таким образом.

«Как, на ваш взгляд, должно формироваться правительство?»

1. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства назначается с согласия Верховного Совета: да, нет.

2. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства, его заместители и министры (следует список) назначаются Президентом с согласия Верховного Совета: да, нет.

3. Президент назначает членов Правительства с согласия Верховного Совета: да, нет.

4. Верховный Совет избирает председателя Правительства, который формирует его состав: да, нет».

В качестве общего вывода остается лишь повторить: проведение референдума даже в лучшем варианте, т. е. по каждому из основных положений конституционного проекта, потребует от организаторов такого уровня политической честности и уважения к своему народу, какой у представителей политических элит встречается редко.

Поэтому уже сейчас с большой вероятностью можно утверждать: скорее всего, референдум станет не источником стабильности, а фактором дестабилизации общества, не победой демократии, а, в лучшем случае, ее имитацией, в худшем же — поражением.

ГЛАС НАРОДА — ГЛАС БОЖИЙ?

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, КТО И КАК ДОЛЖЕН ПРИНИМАТЬ НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ РОССИИ *

Из статьи

В условиях «шоковой терапии» мучивший нашу общественность два последних года вопрос: как нам обустроить Россию? — явно уступил место другому: как жить, чтобы выжить? Однако вскоре нам предстоит вернуться к первому вопросу, отчасти потому, что правильный ответ на него является условием успешного решения второго, отчасти же потому, что приближается VI съезд депутатов России, а на него, как известно, вынесен доработанный проект Конституции Российской Федерации. Оставляя в стороне достоинства и недостатки проекта, разбор которых мог бы стать предметом особого большого разговора, хочу обратить внимание читателей лишь на один вопрос, вынесенный в подзаголовок статьи: кто и как должен этот проект принимать?

Ответ конституционной комиссии однозначен: весь народ на референдуме (см. ст.140). У общественности этот ответ возражений как будто не вызывает. Более того, кажется, что демократия в России наконец-то восторжествует окончательно: граждане сами выберут свою судьбу, свое будущее. Однако это лишь на первый взгляд.

Отечественный опыт в очередной раз убеждает: народ не всегда прав, а «глас народа — глас Божий» — истина только в метафизическом, всемирно-историческом смысле, — в том смысле, что рано или поздно народ находит дорогу к истине, а история ставит все точки над «i». В конкретной же политической ситуации, особенно кризисной, мы сплошь и рядом слышим не глас народа, а крик отчаяния, которое толкает людей либо на то, чтобы слепо идти за национальными элитами, либо голосовать за крайние политические течения.

Тем более неприемлемо всенародное голосование в той форме, какая предлагается разработчиками, т. е. за Конституцию в целом. Мне не приходилось встречать данные социологических опросов, однако личный опыт общения с избирателями свидетельствует: добрая половина их не прочла и не прочтет проекта, а из оставшейся половины значительное большинство не подготовлено к тому, чтобы разбираться в юридических тонкостях. Тем и другим не останется иного выбора, как довериться случаю либо мнению политического деятеля и голосовать наобум. Кроме того, голосовать придется за полторы сотни статей и несколько сот параграфов сразу, а среди них есть очень хорошие, хорошие, средние, плохие и очень плохие. Сознательный выбор в такой ситуации более чем проблематичен, равно как и надежды с помощью плебисцитарной демократии увековечить конституционный строй: если кризис будет продолжаться и новой власти потребуется отменить Конституцию либо какие-то ее положения, эта новая власть сумеет не хуже нынешней овладеть общественным сознанием и провести референдум с заранее заданными итогами.

Говоря о всеобщей «зацикленности» на идеях плебисцитарной демократии, не могу не упомянуть курьезный, на мой взгляд, факт. В передаче Российского радио 1 декабря 1991 г. блока «Свобода и достоинство» депутат М. Салье не без основания иронизировала по поводу намерений принять референдумом новый конституционный проект. Однако взамен она предложила провести выборы в

Учредительное Собрание по партийным спискам и... приложить к каждому списку проект новой Конституции, разработанный данной партией! Другими словами, за один проект голосовать нельзя, поскольку нельзя одним махом одобрить или отвергнуть множество самых различных статей, а вот за десяток проектов — пожалуйста.

Поистине «умом Россию не понять!» А что проектов будет не менее десятка — в этом нет ни малейшего сомнения. Даже если предположить невероятное, что мы очень быстро от «дикой» многопартийности перейдем к современной партийной системе, представлены будут, как минимум, коммунистический, социал-демократический (возможно, в двух вариантах), либеральный и правоконсервативный проект экономического устройства. Помножим их на варианты устройства государственного (от унитарного до конфедеративного), а затем на возможные формы правления (от парламентской республики до, чего доброго, конституционной монархии) — и сразу увидим необозримое множество документов. Уверен: те, кто все это прочтет и сможет сознательно голосовать на референдуме, составят доли процента от общего числа избирателей. Следовательно, здесь мы имеем тот же подход, что и у конституционной комиссии, но многократно ухудшенный. Впрочем, улучшать путем ухудшения — это тоже в нашей национальной традиции.

Вполне понимаю разработчиков, которым хочется сохранить свое творение в целостности и не отдавать его «на растерзание» Российского съезда народных депутатов. Однако это все же меньшее из зол, ибо альтернатива ему — манипулирование народом посредством самого народа, т. е. худший вид манипулирования. В утешение авторам могу лишь напомнить, что на российском съезде депутатские поправки к Конституции в абсолютном большинстве своем не проходят, но зато легко принимается все, что предложено или поддержано руководством. Вспомним хотя бы, как II съезд народных депутатов Российской Федерации (первый из внеочередных) за 40 минут принял 16 поправок к Конституции, предложенных конституционной комиссией. Для сравнения могу сказать, что в США за 200 лет было принято 26 поправок.

Если же все-таки нам так мила плебисцитарная демократия, что жить без нее уже невмочь, следует вернуться к решению I съезда народных депутатов России и вынести на референдум основные принципы Конституции, сформулировав их предельно просто и четко, и желательно в альтернативной форме. Есть, разумеется, минусы и у этого варианта, но здесь мы, по крайней мере, проявим больше уважения к нашим согражданам.

Итак, решающее слово за российским съездом.

VIII СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ: ПАРАДОКСЫ И ВАРИАНТЫ *

Закончившийся VIII съезд народных депутатов России на некоторое время стал неиссякаемым источником мифотворчества, особенно для радио и телевидения. Чего только не обрушивали на головы ошарашенных слушателей: «коммунистический переворот», «превращение Президента в английскую королеву», «захват власти Советами» и т. д. и т. п. в том же духе. Дошло до того,

что распространенный радикальными демократами «проект постановления», предусматривающий увековечение депутатского статуса и передачу его по наследству, «Радио России» вполне серьезно представило как заветную мечту «консервативных» депутатов. И это в то время, когда каждому, кто не потерял память от шума, известно, что не только оппозиция, но и Председатель Верховного Совета накануне съезда выступали с идеей досрочных перевыборов и народных депутатов, и Президента Российской Федерации. Короче, эфирные «утки» плодились как инкубаторские цыплята, а количество и примитивность политических агиток, несомненно, приблизились к уровню, не скажу сталинской, но уж, по крайней мере, брежневской эпохи.

В подобных условиях тем более заманчиво начать анализ итогов съезда с парадоксального утверждения: решения, принятые депутатами, означают не что иное, как серьезный экономический подарок Правительству и почти бесценный политический дар Президенту. Понимая, как должен быть шокирован этим утверждением читатель, которому до сих пор говорили только прямо обратное, хочу тем не менее временно отложить объяснение и обратиться к анализу предсъездовской ситуации, которая была не менее парадоксальной.

Парадокс первый: нового референдума более всех требовали как раз те, кто с пренебрежением отверг результаты предыдущего (17 марта 1991 г.); сделать народ высшей судьей призывали силы, которые уже один раз презрели такой суд; обвиняли оппонентов в недоверии к согражданам именно политики, злоупотребившие этим доверием. Поистине ситуация, достойная королевства кривых зеркал!

Как бы трагична ни была ситуация на Украине, где в марте 1991 г. дружно голосовали за Союз, а в декабре того же года также дружно — против, но там все было сделано по правилам: результаты референдума отменили новым референдумом, в этом смысле украинский режим легитимен. У нас же результаты референдума о сохранении Союза отменил даже не съезд, а Президент России под аплодисменты большей части тогдашнего Верховного Совета. За отсутствием заключения Конституционного Суда о легитимности российского режима после этого пусть судит читатель.

Парадокс второй: на недостаток власти накануне и во время съезда громко жаловались как раз те структуры, у которых в руках уже полтора года находилась реальная власть больше чем в достатке де-юре, в избытке — де-факто. К разделению властей призывали руководители исполнительных структур, которые давно уже подмяли под себя законодательную власть, а время от времени, как это отмечено в послании Конституционного Суда, пытались подменить даже судебную.

В последнее время нас все время призывают покончить с всевластием Советов как наследием проклятого прошлого, однако такие призывы основаны на двойном, скажем так, лукавстве, и взывающие не могут этого не понимать.

Во-первых, всем известно, что при прежней системе Советы были не всевластны, а безвластны, выступали как придаток либо партийных структур, либо исполнительных органов. Никто иной, как нынешние «десоветизаторы» 3—4 года назад ходили на митинги с плакатами «Вся власть Советам» и исписали на эту тему горы бумаги.

Во-вторых, сколько бы ни поминали по делу и без дела 104 статью Конституции, якобы устанавливающую всевластие съезда, в России реально доминируют президентские и правительственные структуры. Доказывающие это факты общеизвестны:

на протяжении почти всего срока правления Президент России имел чрезвычайные полномочия, объем которых далеко превосходил уровень, принятый в цивилизованных странах, и даже когда эти полномочия закончились, продолжал некоторое время издавать Указы, ссылаясь на них;

в июле 1992 г. на сессии Верховного Совета Российской Федерации председатель Комиссии по социальной политике М. Захаров привел данные, согласно которым из 17 президентских Указов по проблемам социальной политики 16 противоречили законодательству Российской Федерации;

Конституционный Суд отменил 4 президентских указа.

Единая тарифная сетка, введенная Правительством, в нынешнем ее варианте противоречит, как минимум, Законам РФ об образовании и культуре, но действует сетка, а не Законы. По существу не выполняются постановления VI и VII съездов народных депутатов по социально-экономическим вопросам и т. д. и т. п.

Продолжать можно было бы сколь угодно долго, но и без этого ясно: с осени 1991 г. до весны 1993 г. исполнительная власть исполняла в основном лишь те законы, которые ее устраивали, в отношении же остальных делала вид, что их не существует. Впрочем, в кризисных ситуациях политики, избравшие курс «до основания, а затем...», нередко жалуются на недостаток власти, тогда как на самом деле недостает им совсем другого, на что жаловаться не принято. Теоретическую базу под такое, с позволения сказать, «разделение властей» подвел В. Шумейко на заседании съезда 13 марта, заявив, что проведение радикальных реформ несовместимо с соблюдением законов. К сожалению, эта мысль зампреда Правительства не была растиражирована средствами массовой информации.

Если же посмотреть на проблему чуть глубже, то очевидно следующее: чтобы получить власть и собственность, второй эшелон номенклатуры, которой был сосредоточен на республиканском, а отчасти и областном, уровне, стремился столкнуться с политическим Олимпом первый эшелон и сам занять его место. Сделать это легче всего было с помощью народа через выборы в Советы. Отсюда — просоветские настроения, которые три года назад доминировали у нынешних антисоветчиков. Теперь цель достигнута, власть в их руках, и Советы снова стали помехой номенклатуре, но уже подновленной. Вот почему многие бывшие коммунисты по должности стали теперь уже и бывшими демократами или «демократами за диктатуру». Вот почему они пытаются представить чуть ли не героем генерала Пиночета, которого чилийские демократы проклинают, как демократам и положено.

Называя вещи своими именами, приходится признать, что на протяжении полутора лет практически вся реальная власть принадлежала исполнительным структурам. Когда же законодатели попытались вернуть часть добровольно отданных или узурпированных партнером полномочий, возник шум о «конституционном перевороте» и «английской королеве». На самом деле ничего существенного со статусом российского Президента не произошло: он по-прежнему является Главнокомандующим армии, имеет право издавать

соответствующие законодательству Российской Федерации указы, обязательные на территории всей страны, а в правах по формированию Правительства значительно менее ограничен, чем его американский коллега.

Поправки к Конституции, принятые VIII съездом народных депутатов России и введенные в действие, во-первых, укрепляют Правительство, предоставляя ему право законодательной инициативы. На расширении полномочий Правительства, напомню, настаивал Президент. Когда же съезд выполнил это пожелание, народ стали пугать хаосом и анархией. Во-вторых, вступившая в силу поправка к Конституции предусматривает автоматическое прекращение полномочий Президента в случае роспуска им законно избранных органов власти. Поскольку механизм такого прекращения в Конституции не прописан, норма имеет лишь тот смысл, что в случае подобных действий Президента руководители исполнительной власти, а также силовых структур освобождаются от обязанности выполнять его указы и распоряжения. По-человечески обиду Президента на введение этой нормы в Конституцию можно было бы понять, если бы оно не было спровоцировано им самим и его советниками, когда на всю страну звучали заявления типа «их надо разогнать»! В-третьих, одна из поправок к Конституции предусматривает право Верховного Совета приостанавливать указы Президента до решения Конституционного Суда. Если учесть приведенные выше цифры и заявление господина Шумейко, это выглядит лишь как попытка обеспечить соблюдение законов в процессе проведения реформ.

Парадокс третий: накануне или во время трех последних съездов Президент Российской Федерации неоднократно намекал на возможность некоего «последнего варианта» действий, идущих вразрез с Конституцией, на которой он якобы не присягал, иначе говоря, на возможность государственного переворота. Однако министр обороны также регулярно заявлял, что слухи о государственном перевороте — ложь. Конечно, очень хочется верить министру обороны, однако не могут же серьезные политики признать, что Президент Российской Федерации распространяет ложные слухи о намерениях Президента.

Таковы парадоксы, которые диктовали съезду выбор одного из возможных вариантов линии поведения. Назовем эти варианты.

Первый вариант: референдум объявить несвоевременным, отменить или отложить на неопределенный срок. Как известно, именно этот вариант был принят съездом. Аргументы в пользу этого варианта хорошо известны и, вообще говоря, вполне убедительны. Не случайно за него высказались не только большинство депутатов съезда, но и два из трех инициаторов соглашения 12 декабря 1992 г. — Р. Хасбулатов и В. Зорькин. Тем не менее принятое съездом решение представляется мне тактически ошибочным. Прочитав в этой связи текст, подготовленный мною для выступления на VIII съезде народных депутатов России: «Те, кто предлагает просто не формулировать вопросы и таким образом избавиться от референдума по принципу «нет вопросов — нет и проблемы», возможно, имеют юридические основания, но политически абсолютно неправы. В этом случае съезд берет на себя ответственность за срыв плебисцита и дает сторонникам президентской полудиктатуры мощные политические козыри. Я предлагаю съезду решиться на другой путь, на двухходовую политическую комбинацию.

Первый ход: съезд официально обращается к инициаторам референдума с

предложением, чтобы они выступили с инициативой о его (референдума) отмене.

Совершенно очевидно, что время для плебисцита сейчас крайне неблагоприятно: риск раскола общества и страны очень велик; надежд на свободное обсуждение вопросов в средствах массовой информации крайне мало; в случае референдума по Конституционным основам легитимность старой Конституции будет подорвана, а принятие новой останется под вопросом и т. п. В таких условиях политики с головой и чувством ответственности к референдуму стремиться не должны. И если инициаторы предложат съезду отменить постановление от 12 декабря 1992 г., его надо отменить как ошибочное, принятое с нарушением Конституции и регламента.

Если же инициативы со стороны уважаемого триумvirата или хотя бы одного из его членов не последует, необходимо решиться на второй ход: на съезде определить вопросы, выносимые на референдум».

Принятое же съездом решение привело к двоякого рода последствиям, которые, впрочем, нетрудно было прогнозировать заранее. Во-первых, часть населения России, до того проявлявшая полное равнодушие к референдуму, теперь собралась на него идти. Это вполне естественно: запретный плод всегда сладок. Во-вторых, люди, которые в последнее время либо призывали спасти демократию с помощью диктатуры (Полторанин, Бурбулис), либо оставить представительной власти декоративные функции (Шахрай), неожиданно опять выступили в роли защитников демократических прав народа. Рейтинг Президента и его команды пополз вверх, рейтинг съезда, и без того не очень высокий,— вниз. В этом и состоит тот самый бесценный политический дар Президенту, о котором говорилось в начале статьи. Кстати, экономическим даром Правительству исполнительная власть тоже не преминула воспользоваться: руководители Государственного банка России, Пенсионного фонда, Фонда федерального имущества и т. д. немедленно оказались в составе Правительства. Хотел бы ошибиться, но не исключаю, что на положении пенсионеров это скажется не лучшим образом.

Второй вариант: дать Президенту возможность провести референдум, что называется, на свой страх и риск. Если за решение, принятое съездом, активно выступали по преимуществу депутаты центристских фракций, то этот вариант получил поддержку значительной части «радикальных демократов» и определенного числа депутатов от оппозиции. При этом первые рассчитывали на победу Президента, вторые — на его поражение.

Если судить по результатам опросов общественного мнения, скорее всего не оправдались бы надежды обеих сторон, однако предпочтительнее следует оценить все же шансы радикалов. Разумеется, нечего и думать, что предложенные Президентом формулировки набрали бы 50% голосов от общего числа избирателей, что требует, согласно ныне действующему Закону «О референдуме», обязательного внесения изменений и дополнений в Конституцию. Однако есть основание полагать, что из числа граждан, пришедших на референдум, большинство высказались бы в поддержку Президента. В пользу этой гипотезы говорят следующие обстоятельства: а) рейтинг Президента стабильно выше рейтинга съезда; б) исполнительная власть, по существу, монополично распоряжается государственным телерадиовещанием, что открывает колоссальные возможности манипулирования общественным сознанием; в) отдавая команде

Президента право формулировать вопросы, законодатели еще более усиливали возможности такого манипулирования (чего стоит, например, вопрос о президентской республике в стране, где и без того существует президентская республика); г) в условиях авторитарно-патриархальной культуры инициаторы референдума наверняка попытались бы (и уже попытались) свести вопрос к выбору: Ельцин — Хасбулатов и тогда в действие, помимо всего прочего, вступал национальный фактор.

Итак, с юридической точки зрения, почти наверняка не выиграл бы никто, однако политическая победа, не исключая, досталась бы Президенту. Опираясь на относительное большинство своих сторонников, он стал бы затем либо оказывать моральное давление на законодательную власть, либо референдум был бы использован как мандат доверия. Для того, чтобы перейти к неконституционным действиям против съезда народных депутатов. Не пойдя на такой вариант, центристы, видимо, были правы с обеих сторон.

Однако в распоряжении съезда, как уже говорилось, был третий вариант, который в данной ситуации представляется мне меньшим злом. Суть его в следующем. Съезд объявляет референдум несвоевременным, официально обращается ко всем трем его инициаторам с предложением отказаться от этой инициативы. В случае, если Президент продолжает настаивать на референдуме, такое право ему предоставляется. Но при этом мы вправе спросить Президента и его советников, почему выносятся на референдум вопросы, имеющие несколько решений, а народу предлагают одно-единственное, так сказать, «единственно верное»? Почему устраиваются очередные выборы без выбора или выборы с единственным кандидатом, который непременно побеждает, вот только неизвестно кого?

Ответ ясен: господа хотят не выяснить мнение народа, а с его помощью утвердить свое собственное.

Уверен: ни по моральным, ни по политическим соображениям нам не следует блокировать вопросы, предложенные Президентом. Однако, если мы хоть немного привержены еще демократическим или хотя бы либеральным ценностям, нам следует не допустить манипулирования народом посредством самого народа. Мы обязаны обеспечить реальные возможности выбора и предложить на каждый из президентских вопросов альтернативные ответы. Это можно сделать, например, следующим образом.

1. Каким органом должна быть принята новая Конституция РФ:

- а) съездом народных депутатов РФ: да, нет;
- б) специально избранной всем народом конституционной ассамблеей: да, нет;
- в) вновь избранным Верховным Советом РФ: да, нет.

Обращаю внимание, что у Президента ничего не говорится о том, как будет формироваться конституционная ассамблея. Может быть, имеется в виду, что Президент намерен сам ее и назначить? Это будет, конечно, полным «триумфом демократии»!

2. Какой орган должен быть признан в новой Конституции высшим органом законодательной власти в РФ:

- а) съезд народных депутатов РФ: да, нет;
- б) двухпалатный Верховный Совет РФ: да, нет.

3. Какое из следующих прав граждан в области земельных отношений должно быть закреплено в новой Конституции РФ:

а) право владеть землей и передавать ее по наследству без права купли-продажи: да, нет;

б) право владеть и распоряжаться землей (т. е. продавать ее), ограничения которого установлены Конституцией и законами РФ: да, нет.

в) безусловное (ничем не ограниченное) право владеть и распоряжаться землей: да, нет.

Кроме того, поскольку президентская власть в России, как мне приходилось предупреждать еще на IV съезде народных депутатов России, стала источником постоянной угрозы для демократии, мы обязаны поставить вопрос:

«Согласны ли Вы с тем, чтобы в новой Конституции РФ был сохранен раздел о Президенте РФ?»

Иначе этот вопрос мог бы звучать так:

Какая форма правления должна быть закреплена в новой Конституции Российской Федерации?

а) президентская республика: да, нет;

б) парламентская республика: да, нет;

в) республика, в которой власть Президента и Парламента уравнивают друг друга: да, нет;

г) республика Советов: да, нет.

Совершенно очевидно, что наличие альтернативных ответов принципиально изменило бы распределение голосов на референдуме и практически наверняка исключило бы ситуацию, которая прогнозировалась как наиболее вероятная во втором варианте. Одновременно съезд получил бы возможность дополнить президентские вопросы еще одним — об одновременных досрочных выборах Президента Российской Федерации и народных депутатов Российской Федерации. Это представляется необходимым, ибо после VIII съезда страна вместо полновластия исполнительных структур получила элементы двоевластия, а двоевластие, как известно, прекращается обычно двумя способами: либо неконституционными, насильственными действиями, либо досрочными выборами. Разумеется, последнее гораздо предпочтительнее.

«Что вспоминать теперь о том, что не сбылось?» — может, однако, спросить читатель и будет неправ. Все сказанное отнюдь не разбор уже сыгранной шахматной партии. Если советники Президента и активных действий против законодательной власти выберут не введение президентского правления (что было бы аналогом ГКЧП, вероятно, с тем же исходом), а плебисцит, стороны вернуться на исходные позиции за вычетом юридической стороны дела, которое каждая толкует по-своему. В этом случае Верховному Совету России придется вновь принимать решение, перед которым недавно стоял съезд.

В заключение процитирую еще раз текст несостоявшегося выступления на VIII съезде:

«Уважаемые коллеги! Мы слишком часто слепо шли за политическими лидерами и поэтому не смогли ни уберечь наших сограждан от разрушительных экономических экспериментов, ни сохранить нашу Родину. Теперь я напоминаю Вам совет Иммануила Канта: имейте мужество пользоваться собственным умом!

Если мы воспользуемся этим советом, проявим хладнокровие и решимость, у нас есть шанс сохранить остатки демократии в России, а заодно и собственную честь!»

**ОТ ФАРСА К ТРАГЕДИИ,
ИЛИ ЧЕТЫРЕ ВОЗМОЖНЫХ ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА ***

Текст произнесенного выступления на IX (внеочередном) съезде народных депутатов Российской Федерации

Не кажется ли вам, что кризисы власти у нас повторяются все чаще и чаще? Причем, если обычно говорят, что история повторяется дважды: сначала в виде трагедии, а затем в виде фарса,— то мы, возможно, движемся от фарса к трагедии!

Парадоксально, но факт: на недостаток власти громко жаловались и продолжают жаловаться как раз те исполнительные структуры, которые имеют ее более чем в достатке де-юре, в избытке — де-факто. Ни для кого не секрет, что с осени 1991 года и до недавнего времени Президент Российской Федерации имел такие полномочия, какие и не снились ни одному из его коллег ни в одной цивилизованной стране!

Кончилось это развалом государственности, великой депрессией в экономике, агонией образования и культуры. Однако Президент просит все новых и новых полномочий, вот только неясно для чего: неужели у нас есть еще что разрушать?

Уже с весны 1992 г. Президент Российской Федерации то и дело намекал, а иногда говорил прямо, что собирается распустить Парламент, т. е. совершить государственный переворот. Правда, министр обороны столь же регулярно утверждал, что переворот — это слухи, а Парламент до последнего времени склонен был верить министру обороны, а не Президенту.

В конце концов прав оказался, конечно, Президент, а слухи подтвердились: страна, по существу, получила ГКЧП номер 2. Хотя теперь переворот пытались сделать без танков (по крайней мере пока), так сказать, в мягких перчатках. Правда, ранг организаторов стал выше: возглавил дело не вице-президент, а Президент. Но суть дела не меняется: даже в тексте Указа, который был скорректирован задним числом и отступает от телеобещаний Президента, его указы ставятся выше законодательных актов съезда и Верховного Совета. При этом там есть еще и ссылки на разделение властей! Думаю, от таких ссылок с Ш. Монтескье и другими идеологами этого принципа, будь они живы, случился бы инфаркт.

Вообще на месте советников Президента я бы осторожнее составлял послания Верховному Совету о конституционности. Если в это послание вводятся такие нелепости и юридические извращения, как «неконституционность Конституции», а единственным гарантом конституционности объявляется Президент, остается только записать от его имени фразу Людовика XIV: «Конституция — это я».

Единственное, что может оправдать господина Шахрая — вероятного автора этого документа,— это выступление господина Волкогонова, который говорил уже от имени даже не Конституции, а самой истории и почти произнес: «История — это я».

С претензией советников Президента быть главными толкователями Конституции связана и кампания травли Председателя Конституционного Суда. Уважаемые коллеги, бывшие коммунисты, а теперь уже и бывшие демократы! Неужели вы так быстро забыли август 1991 г.? Неужели вы не помните, за что

тогда упрекали Председателя Комитета конституционного надзора СССР Алексеева? Упрекали именно за то, что он пытался соблюсти юридические формальности, когда попытка переворота была очевидна! Почему же к Зорькину применяется другой стандарт? Или ваш принцип: демократия — это когда «наши» у власти? Ведь совершенно очевидно, что новые гэкачеписты начали отступать и придавать своим действиям более приличный вид именно потому, что в критическую минуту прозвучал голос Зорькина. Честь ему за это и хвала!

Действительная вина Конституционного Суда в другом: он до сих пор проявлял слишком большую мягкость по отношению к нарушителям Конституции. Не получили оценки ни беловежские соглашения, ни призывы Президента к разгону Парламента.

Итак, острейший политический кризис налицо и надо искать пути выхода из него. Таких путей можно представить себе четыре.

Первый и лучший путь — досрочные всеобщие выборы и Парламента, и Президента. Не секрет: мы оказались в ситуации, близкой к двоевластию, но не потому, что у Президента мало полномочий, а потому, что исполнительная власть хочет исполнять лишь те решения законодательной власти, которые ее устраивают, что дико для демократического государства.

Но если двоевластие возникло, из него история знает два выхода: либо полноценный переворот, либо досрочные выборы. Думаю, все согласятся: выборы гораздо лучше.

Поэтому я призываю: уважаемый Президент, уважаемые коллеги, давайте перестанем испытывать терпение сограждан, не будем тратить 25 миллиардов рублей народных денег и без всякого референдума примем поправки к Конституции и согласованные решения о всеобщих досрочных выборах. На них каждому из нас, а тем более Президенту, никто не мешает выставить свою кандидатуру. Выборы и будут тем самым вотумом доверия, который якобы кто-то мешает получить.

Второй путь — компромисс. Вещь эта очень заманчивая, но, во-первых, ее пробовали уже много раз, а во-вторых, компромиссы с теми, кто не уважает Конституцию, ничего хорошего дать не могут. Пройдет несколько месяцев, и мы услышим новое обращение, затем увидим новые указы, круче прежних. Это не разрешение кризиса, а его откладывание в долгий ящик.

Путь третий — импичмент, отрешение от должности. Не сомневаюсь: в стране с развитыми демократическими традициями был бы применен именно этот вариант. Президент США, заявивший по национальному телевидению, что его указы будут выше законов или что конгрессменов и сенаторов надо разогнать, был бы отстранен от должности в течение нескольких дней. Но у нас другие традиции: чем больше должностное лицо нарушает Конституцию, тем увереннее оно объявляет себя ее гарантом.

Правда, подписанный Президентом Указ отличается от обращения по телевидению, как вода от крови: вместо увольнения Ножикова и Мухи Ельцин принес им извинения; вице-президент Руцкой уже не идет на опрос в связке с Президентом; даже самого названия «особый порядок управления» в Указе уже нет!

Возникает вопрос, что это такое: провал в памяти или, быть может, шутка? Но

подобные шутки президентов в демократических странах заканчиваются ответными шутками парламентов в виде импичмента!

Несмотря на то, что для отстранения Президента от должности оснований вполне достаточно, этот вариант имеет ряд недостатков: во-первых, скорее всего, для него не хватит голосов; во-вторых, не вполне ясно, как поведут себя силовые структуры; в-третьих, для многих наших сограждан это решение будет выглядеть не вполне легитимным. Люди станут рассуждать примерно так: Президента избирал народ, он и должен решать судьбу Президента. Поэтому и третий путь представляется проблематичным.

Четвертый путь — референдум. Уважаемые коллеги, позволю себе напомнить, что я всегда выступал против референдума по Конституции еще тогда, когда большинство нынешних противников были «за». И сейчас считаю, что референдум в нынешней России, скорее всего, будет не формой народовластия, а формой манипулирования народом. И вот почему.

Во-первых, мы находимся фактически уже в ситуации чрезвычайного положения. Референдум в такой ситуации проводят только диктаторы и различного рода хунты. Так, в Германии в 1933 г. был проведен референдум о доверии курсу Гитлера, и что вы думаете — доверили.

Во-вторых, совершенно очевидно: нового референдума громче всех требуют те, кто не выполнил решений предыдущего — о судьбе Советского Союза. Сделать народ судьей в споре властей призывают люди, один раз уже презревшие этот суд, обвиняют оппонентов в недоверии к народу силы, бессовестно злоупотребившие этим доверием. Увы, нет никаких гарантий, что с новым референдумом не произойдет того же самого.

В-третьих, средства массовой информации, по крайней мере радио и телевидение, находятся, по существу, в одних руках, а потому все несогласные шельмуются и газетные «утки» плодятся с быстротой инкубаторских цыплят.

В-четвертых, действительно велик риск, что референдум станет еще одним толчком к разрушению Федерации, к разбеганию ее субъектов.

Все это так. Референдум — плохо, но лучше, чем полноценный переворот, поэтому, если ни один из трех предыдущих путей не будет реализован, нам остается только этот. Причем съезд обязан взять инициативу на себя и попытаться не допустить манипулирования народом России.

Во-первых, не может быть и речи о референдуме в апреле по Конституции и избирательному закону. Подавляющее большинство населения проекта Конституции не читало и не прочтет, избирательного закона вообще еще никто не видел. Заставлять людей голосовать за двух «котов в мешке» разом — значит потерять не только уважение к собственному народу, но и политическую честь.

Во-вторых, на референдум 25 апреля необходимо вынести вопрос об одновременных досрочных выборах Президента и народных депутатов либо два вопроса о выборах каждой из властей в отдельности. По сути, это поглощает вопрос о доверии Президенту, на котором он настаивал, но если Президент хочет, пусть и проводит опрос о доверии самому себе.

В-третьих, в постановлениях съезда должны быть заранее прописаны варианты решений при том или другом исходе референдума, иначе с его результатами будет то же самое, что и с результатами референдума о судьбе Советского Союза,

проведенного 17 марта 1991 г.

В-четвертых, новый закон о выборах до его принятия должен быть обсужден и согласован с основными политическими блоками и профсоюзами через механизм «круглого стола».

ОТКУДА ГРОЗИТ ДИКТАТУРА? *

Уважаемые коллеги, оставшиеся товарищи и возродившиеся господа! Я чувствую себя вправе напрямую обратиться к вам, представителям интеллигенции, по причине не только исключительной остроты политической ситуации, но и общности нашего социального и культурного статуса, как коллега к коллегам.

Второй раз в истории XX в. российская интеллигенция становится жертвой революции, которую сама же она идейно и духовно подготовила. Второй раз многие из нас, похоже, не вполне сознают, что происходит. Несмотря на «великую депрессию» в промышленности, на проваленный Указ № 1, на невиданное уже несколько десятилетий резкое ухудшение всех показателей состояния здоровья населения, на вытеснение высокой культуры культурой «торжествующей пошлости», на катастрофическую деморализацию — несмотря на все это, социологические опросы раз за разом показывают: инженеры, учителя и вузовские работники, врачи, творческая интеллигенция остаются общественными группами, более других поддерживающими Президента и его «команду». При этом почти каждый, с кем приходилось говорить, в своей профессиональной сфере прекрасно осознает надвигающуюся либо уже наступившую катастрофу. Однако на политических позициях это сказывается мало. Вот два стандартных аргумента, которые я читал и слышал много раз, в том числе от людей, близких мне по политическим ориентациям: нынешняя власть дала нам свободу; если Президент будет вынужден уйти в отставку, на смену ему придут радикалы типа Анпилова или Жириновского, которые эту свободу отнимут.

Полно, уважаемые коллеги. О какой свободе идет речь и с какими временами мы сравниваем нынешние? Если со сталинскими или брежневскими — да, свободы стало гораздо больше. Однако по сравнению с концом 80-х годов — заметно меньше, и «урезание» нарастает!

Разве брагинское телевидение свободнее кравченковского? Ничуть. Обработка населения перед референдумом по плотности и примитивности вполне достойна брежневской эпохи. Все омские опросы показывают, что отношение к Президенту в городе примерно 50 на 50. Среди же имеющих доступ к эфиру — 95 на 5. Свобода информации здесь и не ночевала! Одного этого в принципе достаточно, чтобы манипулировать народом как пушечным мясом в политическом артобстреле.

Но есть вещи и похуже. Не довольствуясь полным господством в эфире, все большее число получивших власть бывших демократов в открытую требуют свертывания демократии, а то и применения насилия. Спросите, где факты? Пожалуйста: вот Михаил Полторанин дает интервью радио «Свобода» в том смысле, что сам-то он не сторонник диктатуры, но «народ требует» (у нас все было «по просьбам трудящихся»); вот Сергей Носовец призывает Президента в нарушение Конституции распустить Парламент, т. е. совершить государственное преступление; вот депутат Виктор Миронов, главный государственный контролер

Москвы, направляет на имя Президента бумагу с требованием взять под арест Руцкого, Зорькина, Хасбулатова и наиболее активных депутатов; а вот уже сам Президент заявляет на всю страну, что подготовил на 26 апреля пакет мер, направленных против съезда и Верховного Совета, хотя и ребенку ясно, что на референдуме речь идет о перевыборах депутатов, а не об их разгоне. Он же, Президент, предлагает принять новую Конституцию Советом Федерации, в котором половину составляют председатели Советов, а вторую половину главы администраций, назначенные им же, Президентом, и, естественно, заглядывающие Президенту в рот. Если это называется демократической республикой, пусть мне тогда объяснят, что такое монархия с боярской думой, где, как известно, «царь приказал, а бояре приговорили».

А возьмите национальный вопрос. Сколько раз бывшие демократы критиковали известных радикальных оппозиционеров за национализм и часто были правы: если даже опустить моральную сторону вопроса, в многонациональной России государственный националистом быть не может, национализм как раз и ведет к разрушению государственности. Но что же мы видим сейчас? Почитайте рассуждения поклонников Президента, в том числе его «государева ока» в Омской области, о Хасбулатове как представителе чеченской мафии. Чем эти рассуждения в принципе отличаются от националистических выпадов господина Жириновского? Да ничем. Видимо, новая номенклатура полагает, что в политической борьбе все дозволено, и нисколько не озабочена соблюдением даже внешних приличий.

Кстати, Хасбулатова я не выбирал. За него Россия должна сказать отдельное спасибо Президенту Ельцину и бывшим демократам. Однако, как бы грешен ни был сам спикер, по отношению к нему требуется элементарная справедливость. Ведь добрую половину 1992 г. парламентские фракции «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы» требовали смещения Хасбулатова за то, что он якобы запретил селить чеченцев в московских гостиницах. Когда же это не подтвердилось, его объявили чеченским мафиози. Сколько же можно насиловать логику?

Уверен: переводить политическую борьбу в России в плоскость: Ельцин-то хоть русский, а этот вообще не наш,— значит разжигать национальную рознь. Следуя этому принципу, мы, пожалуй, начнем выяснять, а русский ли Ельцин, как это делает «Память», и т. д. и т. п. в том же духе до седьмого колена. Чем это кончается, мы видели в Германии 30-х гг. Если же говорить без примитивных агиток, Р. Хасбулатов, как это часто бывает с обрусевшими инонационалами, склонен, скорее, к русской державности и не всегда знает здесь меру.

Измена многих лидеров бывшего демократического движения своим собственным демократическим ценностям не случайность, а закономерность. Взяв на себя задачу разрушить прежнюю систему «до основанья, а затем...» и создать на ровном месте совершенно новую, они оказались в том же положении, в котором были французские якобинцы в конце XVIII в. или русские большевики после семнадцатого года. Одним из первых это, кажется, понял Г. Попов, который еще в 1990 г. в «Московских новостях» утверждал необходимость «административного насилия», «железной руки» и требовал внедрять рынок теми же методами, какими большевики создавали административный социализм. Не случайно проклинаемый чилийскими демократами диктатор Аугусто Пиночет стал едва ли не

национальным героем для многих бывших демократов в России. Если кто-то думает, что при Пиночете у них была, а у нас будет, свобода, пусть лучше изучает историю.

Теперь о том, кто может сменить Ельцина у власти. Не буду обещать лечь на рельсы, у нас и без того нет отбоя от желающих, но рискну сделать следующее утверждение: возврат к прежней системе в России уже невозможен, лидеры типа Жириновского к власти не придут. Вообще, возобновившаяся охота за «коммунистическими ведьмами» представляется мне зрелищем одновременно комическим и печальным. Комическим потому, что большинство бывших партфункционеров давно уже находятся либо в коммерческих структурах, где они успешно обменяли власть на собственность, либо в структурах государственных, где они получили и то, и другое.

Зрелище того, как одни бывшие члены бывших ЦК и обкомов борются с другими за чистоту новой идеологии, достойно пера Ильфа и Петрова. Грустно потому, что в коммунизме или прокоммунизме теперь постоянно обвиняются чуть ли не все сторонники парламентской демократии, включая левого либерала Н. Рябова и правого социал-демократа Р. Хасбулатова. Впрочем, еще в начале 1991 г. мне приходилось предупреждать о том, что «казарменный антикоммунизм» рано или поздно выльется в поход против демократии.

Как специалист и сторонник демократических ценностей должен сказать со всей определенностью: в настоящее время России несравненно больше грозит Пиночет, нежели Сталин, угроза диктатуры со стороны Президента Ельцина гораздо более реальна, чем со стороны лидеров радикальной оппозиции. И не потому, что Президент лично булший авторитарист, чем, скажем, Жириновский, а потому, что в непосредственном его подчинении находятся армия, МВД, госбезопасность. Поэтому, когда я слышу, как искренние противники диктатуры собираются голосовать за «доверие Президенту» по принципу «из двух зол выбирают меньшее», в памяти моей невольно встают строки поэта:

«Как веруем и мы сами, не ведая, что творим!..»

Совершенно очевидно, что современная Россия оказалась в состоянии двоевластия. Совершенно очевидно, что из этого состояния никакие референдумы не выводят, а могут вывести «полномочный» государственный переворот либо досрочные выборы. Совершенно очевидно, что досрочные выборы гораздо лучше.

Вот почему всех, кто привержен дорогим для меня демократическим ценностям, я призываю: переизберите нас всех: и Президента, который не выполнил ни одного из своих положительных обещаний, и депутатов, которые в большинстве своем слишком часто бездумно голосовали «за», а то и сами провоцировали разрушительные решения.

Голосование за доверие Президенту может быть использовано как мандат на диктатуру. Поэтому лозунг демократических левых вообще и Партии Труда в частности: «Президенту Ельцину — нет! Досрочным выборам — да!».

РЕФЕРЕНДУМ: НЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ? *

Бывшая страна наша — Советский Союз — и государства, возникшие на ее обломках, помимо рекордов самовредительства, могли бы, пожалуй, претендовать

на мировой рекорд по проведению референдумов и прямых выборов в единицу времени. При этом через короткие промежутки времени и почти с равным воодушевлением граждане голосовали: за Союз и за полную независимость (Украина, Средняя Азия, Казахстан), за ликвидировавшего Советскую власть Гамсахурдиа и за ликвидировавшего власть Гамсахурдиа Шеварнадзе (Грузия), за Президента Эльчибея и за недоверие тому же Президенту {Азербайджан) и т. д. и т. п. и пр. В чем же причина поразительной податливости народов нашего бывшего Отечества, снова и снова идущих на поводу у политических элит?

Известный американский публицист левой ориентации Майкл Дэвидоу в ряде своих публикаций и выступлений на радио «Парламент» назвал такой причиной доверчивость народа, отсутствие у него политического опыта, справедливо подчеркивая, что любой другой народ при катастрофических результатах деятельности, подобных российским, немедленно сменил бы правящую политическую элиту или субэлилу. Слов нет, доверчивость граждан России находится за пределами рационального объяснения. Народ наш вслед за своим великим поэтом мог бы вновь и вновь повторять: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!» Однако достаточно очевидно, что такое объяснение лежит на поверхности и названная причина сама является следствием факторов более глубокого порядка.

И первый среди них — общеисторическая ситуация и страны, переживающей так называемую «вторую русскую революцию». Оставляя в стороне вопрос о том, какова эта революция и куда она нас в конце концов выведет: в светлое будущее или в светлое прошлое, — должен заметить, что при всем различии революционных и контрреволюционных переломов, которые знала история, все они характеризовались и некоторыми общими чертами, тенденциями. Одна из наиболее очевидных тенденций — так называемые «качели», т. е. маятниковообразные колебания настроений общественных групп, образующих массовую базу революций. Почти 150 лет назад об этом немало писал Александр Герцен — свидетель французской революции 1848 г.: «Массы полны тайных влечений, полны страстных порывов, у них мысль не разъединилась с фантазией, у них она не остается, по нашему, теорией, она у них тотчас переходит в действие... Оттого они иногда обгоняют самых смелых мыслителей, увлекают их поневоле, покидают середь дороги тех, которым поклонялись вчера, и восстают за других, вопреки очевидности; они дети, они женщины, они капризны, бурны и непостоянны».

Попросту говоря, в условиях, когда политически активное большинство народа, движимое ненавистью к прежней системе и надеждами на лучшую жизнь, с одной стороны, разрушает привычные устои экономического и духовного бытия, а с другой — страдает от возникающего хаоса, гражданам трудно принять сколь-нибудь взвешенное решение и просчитать последствия своих действий. Немаловажно и то, что в такой исторический период новые иллюзии плодятся почти столь же быстро, сколь низвергаются старые. Исключающие друг друга результаты референдумов и прямых выборов, с легкостью достигаемые правящими политическими элитами, как раз отражают нестабильность в обществе, приливы и отливы революции, а чаще — просто ее зигзаги.

Другим, и, может быть, не менее важным фактором, обеспечивающим

правлящим элитам почти беспроигрышную ситуацию на референдумах и прямых выборах, является смена методов политического управления. Если в советский период широко использовались методы принуждения, включая прямое насилие, то в настоящее время преобладает политическое манипулирование, и прежде всего при помощи средств массовой информации. Не секрет, что подобные методы широко используются во всех странах, в том числе самых демократических. Для нашего же Отечества исключительно важна именно новизна этих методов.

Во-первых, в предыдущую эпоху важнейшие решения принимались за спиной граждан, и это до смерти им надоело. Теперь политически активное население хочет непосредственно решать главные вопросы жизни страны, в том числе и такие, в которых оно не слишком хорошо разбирается. Регулярные опросы общественного мнения показывают, что за принятие новой Конституции референдумом высказались около половины респондентов, тогда как внимательно изучили хотя бы один из конституционных проектов считанные проценты.

Во-вторых, естественное стремление людей определять собственную политическую судьбу, не быть заложником чужих политических игр сочетается в наших условиях с глубоким наследием авторитарно-патриархальной культуры. Это выражается, в частности, в ориентациях на личности, а не идеи (концепции, программы и т. п.), а также в исключительной доверчивости к печатному или прозвучавшему по теле— радиоканалам слову. Вот примеры того и другого. В газете «Известия» от 6 февраля 1993 г. были приведены результаты опроса общественного мнения, показывающие, что 32% его участников в случае референдума по новой Конституции голосовали бы за президентский проект. И все бы ничего, как говорится, вольному — воля, да маленькая неувязка: в то время президентского проекта никто еще не видел. Официально он был опубликован, напомню, лишь после апрельского референдума! Невероятно, но очевидно: 32% опрошенных были готовы голосовать за какую угодно Конституцию, лишь бы ее предложил Президент!

Примеры другого рода связаны с влиянием средств массовой информации вообще и художественной интеллигенцией — в особенности на ход и исход последнего референдума. Как показали специальные исследования исход этот в крупных городах и регионах страны в значительной мере коррелирует с распределением времени в центральных и местных средствах массовой информации между сторонниками Президента и Парламента. Если учесть, что, по официальным заявлениям руководителей телерадиокомпании «Останкино», это распределение было осуществлено в пропорции 80% на 20%, и по некоторым оценкам, примерно 11% голосов из 58% Президент получил благодаря поддержке художественной интеллигенции (прежде всего представителей шоу-бизнеса), то ошибка большинства специалистов, прогнозировавших отрицательный ответ граждан на второй вопрос, не выглядит удивительной. Подчеркну еще раз: речь здесь идет не о правильности или неправильности той или другой политической позиции, а о мотивах и методах ее определения, выбора. Если, например, знакомый студент-историк, в общем мыслящий и знающий уже, где лево, где право, кто такие консерваторы, либералы, социал-демократы и коммунисты и чего можно от них ожидать, заявляет, что на референдуме будет голосовать как Кинчев, то совершенно очевидно, что преобладают здесь не рациональные мотивы, а

конформизм, воспитанный прежней системой и успешно использованный новой. Разница лишь в том, что прежняя система навязала себя народу грубо и примитивно, новая же, наряду с действительным расширением границ свободы, сплошь и рядом ее имитирует, создает иллюзии свободы. Оказавшись в однонаправленном информационном потоке, люди, сами того не замечая, принимают навязанную им свыше точку зрения как свою собственную. Не случайно ряд объективных зарубежных наблюдателей отметили, что в России в период последнего референдума использовались «шоковые» методы пропаганды, которые в цивилизованных странах в подобных случаях не применяются.

Сказанное, разумеется, не исчерпывает основных факторов плебисцитарного бума, равно как и секрета успехов в манипулировании народом посредством самого народа, однако дает возможность сделать прогноз вероятности дальнейшего использования референдумов в случае развития событий по одному из следующих политических сценариев.

Сценарий первый — позиционная борьба: обе ветви власти продолжают выяснять отношения между собой, но ни одна из них не отваживается на решительную атаку: и Президент, и депутаты стремятся «досидеть» свой срок до конца. При этом сценарий нового референдума в ближайшее время ожидать не следует, зато через год — полтора он достаточно вероятен. Предметом его, скорее всего, станет новая Конституция или блок конституционных вопросов, вызывающих несогласие между Парламентом и Президентом. Даже накануне истечения своих полномочий депутаты могут отказаться принимать Конституцию, разработанную президентской командой. И не потому, что в ней нет съезда — тогда это уже особенного значения иметь не будет, а потому, что, по мнению достаточного числа парламентариев, к которому принадлежит и автор этих строк, во всех президентских проектах нарушаются:

- а) баланс форм собственности в пользу частной,
- б) баланс полномочий федеральных властей — в пользу, естественно, Президента,
- в) баланс субъектов федерации.

Однако к весне 1995 г. если не будет принята новая Конституция или требуемые поправки к ней, лидеры исполнительной власти скорее всего попытаются воспрепятствовать новым выборам в прежние структуры. Тогда-то испытанное оружие плебисцита вновь будет расчехлено.

Сценарий второй — схватки. В случае реализации этого сценария инициатива подобного развития событий почти наверняка будет исходить от исполнительной власти либо в форме прямого роспуска Парламента и назначения досрочных выборов, либо в форме постоянных нарушений Конституции и законов, провоцирующих ответные действия.

В большинстве теоретически возможных вариантов борющимся сторонам для придания легитимности своим действиям потребуются новый плебисцит. Предположим, Президент распускает съезд народных депутатов и назначает (если назначит) выборы в постоянно действующий Парламент с функциями, которые сам же Президент и будет определять. Конституционный Суд, естественно, отменит это решение. Референдум останется единственным способом придать действиям Президента вид легитимности в глазах отечественной и международной

общественности.

Предположим, за нарушения Конституции, установленные Конституционным Судом, съезд народных депутатов отрешит Президента от должности. Президент наверняка не подчинится этому решению, ссылаясь на результаты референдума 25 апреля. И тогда уже Парламенту придется назначать новый плебисцит.

Вариант третий — компромисс. Законодательная и исполнительная власти договариваются между собой о совместных действиях в сфере социально-экономической политики и о согласованном ведении конституционного процесса. В этом случае вновь обращаться к населению необходимости нет, если, конечно, не воскреснет идея «проштамповаг» согласованный проект Конституции еще и всенародным голосованием.

Понимая, что политический прогноз, скорее, напоминает предсказания синоптика, нежели астронома, и не имея возможности дать подробную аргументацию, рискну высказать предположение: с позиций осени 1993 г. наименее вероятным представляется третий сценарий, наиболее вероятным — увы! — второй. При этом, однако, политическим группам, рассчитывающим в очередной раз прибегнуть к плебисциту как к средству утверждения собственного мнения, полезно иметь в виду два обстоятельства: во-первых, «маятник» общественных настроений близок к тому, чтобы качнуться если не влево, то, как минимум, в сторону от политики вообще, во-вторых, даже тот небольшой прорыв единого информационного «фронта», который представляет собой радио «Парламент» и «Парламентский час» на телевидении, заметно осложняет внушение населению иллюзий о безальтернативности нынешнего экономического и политического курса.

Итак, на вопрос, поставленный в заголовке статьи, с достаточной вероятностью можно ответить: Россию ждет новый референдум, и, возможно, не один. Однако уже следующая попытка политической элиты получить «отпущение грехов» может закончиться неудачей.

Усилиями революционеров из второго эшелона управления прежней системой Россия во второй раз в XX в. оказалась в ситуации двоевластия. Из этой ситуации история знает два наиболее вероятных выхода: досрочные выборы либо государственный переворот. Как специалист по политическим наукам, занимающийся теперь и практической политикой, уверен: одновременные или близкие по времени досрочные выборы законодательной и исполнительной власти, хотя они не гарантируют стабильности, несравненно лучше новых попыток переворота, новых ответных попыток импичмента и новых референдумов, результаты которых истолковываются теми, кому это выгодно, так, как им это выгодно, и реализуются тогда, когда им это выгодно. Чтобы иметь право утверждать: глас народа — глас Божий,— нынешние политические «пастыри» сами должны хоть немного верить в проповедуемую ими религию демократии, а не употреблять без конца имя Бога всуе, призывая спасать демократию с помощью «просвещенного» авторитаризма. Увы, в этом смысле остается лишь уповать на прекрасное далеко, ибо позиция правящей ныне в России политической элиты, несомненно, может быть выражена формулой: демократия — это когда «наши» у власти!..

